
ТЕОРИЯ

Л. Е. ГРИНИН

ФОРМАЦИИ И ЦИВИЛИЗАЦИИ*

ГЛАВА 7. ЗАКОНЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

§ 1. Некоторые взгляды на понятие исторических законов и предварительные выводы из них. § 2. Общие подходы к анализу законов исторического процесса. § 3. Группировка законов. § 4. Пояснения к некоторым законам. § 5. Закон подвижности (замены) функций.

§ 3. Группировка законов

Данный параграф посвящен некоторым операциям по систематизации законов, что становится совершенно необходимым, раз мы принимаем идею о неограниченности их числа. Здесь частично будут использованы процедуры классификации и типологии. Правда, общепринятых четких различий в значении этих понятий нет. Поэтому сразу оговорюсь, что под типом закона имеется в виду некое сходство или особая важная черта законов, которые существенны для их понимания и применения. Другими словами, акцент сделан в сущностную (качественную, онтологическую) сторону. Например, законы стабильности отличаются от законов развития прежде всего в этом плане. Напротив, при классификации большее внимание уделено форме, объему, уровням и т. п., то есть методологической и гносеологической сторонам. Так, мы можем выделить классы законов большего или меньшего, чем теория исторического процесса, объемов; бо-

---

* Продолжение. Начало см.: *Философия и общество*. 1997. № 1–6; 1998. № 16.

лее фактические и более методологические и т. д. Однако слишком большого значения таким различиям придавать не нужно уже потому, что никакой закон (тем более крупный) обычно полностью не укладывается в одно измерение, а законы, принадлежащие к одному классу, могут быть разных типов, и наоборот. Кроме того, абсолютно чистых качеств нет, поэтому у каждого закона можно обнаружить, пусть в небольшой степени, черты прямо ему противоположного. А есть и много промежуточных вариантов. Тем не менее при правильно заданных параметрах принадлежность закона к какому-либо множеству может существенно прояснять те или иные его смыслы.

Будет использована и процедура, по которой назван весь параграф, – **группировка**. Она удобна для объединения законов, которые либо действуют совместно, либо в познавательном плане связаны так, что одно вытекает из другого (цепляет, подпирает его и т. п.). Однако и это деление не стоит абсолютизировать. Законы никак не укладываются в одно измерение, и поэтому «членство» их в одной группе не препятствует одновременному вхождению в другие. Очевидно также, что принадлежащие к одной группе законы могут относиться к разным типам и классам.

Необходимость такой операции вытекает из предыдущих выводов. Мы выяснили, что базовый уровень законов – значительные аспекты и задачи теории исторического процесса. Когда же эти последние объединяются в еще более крупные секторы, то мы не можем уже ограничиться единичным (отдельным) законом. Требуется более крупные аналитические средства, которыми могут выступать, хотя, конечно, и не во всех случаях, **группы** или **блоки** законов¹. Группировка имеет важное значение. Ведь при неограниченности числа законов анализировать их в блоках значительно легче, к тому же внутри группы всегда можно сделать тот или иной акцент. При такой проце-

---

¹ Слова «группы» и «блоки» в таком контексте употребляются как синонимы. Группировка законов бывает нужна не только при укрупнении объема, но, например, при решении проблем, находящихся на стыке двух аспектов. Для определенных задач можно иногда какие-то крупные законы приравнять к целой группе.

дуре нередко открываются и новые пласты смысла законов, а также становятся более наглядными такие идеи, как:

условность выделения того аспекта реальности, который охватывается отдельными законами;

очень тесная связь, даже, точнее, наложение, частичная неразделенность «территории», регулируемая разными законами.

Нередко между законами после объединения их в группы удается установить особые и даже новые соотношения. Например, относительно некоторых характеристик общественно-экономической формации будет верным: *при ускорении темпа развития исторического процесса формационный цикл по времени сокращается, но пропорции между фазами цикла в основном сохраняются*². Или: *чем сильнее сближение обществ в общечеловеческом масштабе, тем меньше вариантов развития имеет формация и относительно понятия генеральной и боковых линий развития*. В подобных случаях законы также могут приобретать вид одной части (переменной, члена) такого соотношения. И тогда даже вполне очевидные получают более глубокий смысл. Например, сопоставляя законы стадийного (формационного) развития и неравномерности, можно сказать, что *в результате перехода на новую стадию (и далее внутри одной стадии при переходе с одной ее фазы на другую) могут (а то и должны) меняться лидеры и аутсайдеры, перспективные и тупиковые линии развития*.

В связи с вышесказанным необходимо рассмотреть соотношение отдельного закона и их группы. В данной главе я делаю попытку уйти как от крайнего преувеличения роли законов, так и от скептицизма в отношении их. Для этого среди прочего показываю, что невозможно и неверно рассматривать влияние законов как сил, изолированных и равномерно действующих в пространстве и времени. Но это не значит, что закон нельзя представить как **в принципе вычленимую** часть совокупной силы, которая воздействует на исследуемые объекты и явления

---

² О пропорциях между фазами цикла мы поговорим в соответствующей главе следующего раздела.

и дает определенный результат. При таком подходе указанная совокупность перестает быть иррациональной, таинственной и непознаваемой (либо примитивно простой), а в гносеологическом плане выглядит как структурированная, разложенная на составляющие, а значит, более познаваемая³. Таким образом, очевидно, что глубже понять отдельный закон удастся лишь в более широком контексте. Ведь законы, объединенные между собой в какую-то систему и, следовательно, находящиеся в более тесной близости между собой, располагаются уже в порядке относительной важности и занимают более определенное место.

В конце прошлого параграфа я говорил об относительно главных крупных законах исторического процесса. Их, безусловно, можно представить как отдельные и изолированные, однако при их разворачивании и приведении доказательств возникает неизбежная необходимость привлечь, фактически подпереть их целым рядом других законов. В результате они начинают столь тесно взаимодействовать, что для ряда ситуаций производительнее признать: *налицо группа законов*. Центральную роль в ней будет играть закон, который притягивает к себе большее число остальных. Однако при иных аспектах таковым способны стать и другие. В этом случае меняется не столько состав группы, сколько ее иерархия и структура. Это совершенно естественно⁴. Поставив на место центрального другой, мы лишь придали группе иной вид. При этом нередко открываются дополнительные смыслы. И так можно прийти к более емким формулировкам, в которых отдельные законы будут как бы одной частью общего выражения.

---

³ Известный экономист Альфред Маршалл говорил, что людей надо предупреждать о всех возможных значениях при обсуждении действия какой-либо одной причины, чтобы отделить ее от других, эффект действия которых смешивается с ней (Cam E. H. What is History? N. Y., 1961. P. 116).

⁴ Можно вспомнить, что в любом физическом законе, выраженном в формуле, задействовано сразу несколько понятий, но центральным, привычным, стационарным будет определенный вид выражения. Например, $I = U/R$.

Но формула этого же закона Ома для участка цепи изменится, если на место I мы подставим U ($U = IR$). Однако любой угадает его. И поскольку значения тесно связаны, мы всегда можем вернуться к тому или иному варианту.

Но, разумеется, закон можно и должно исследовать и изолированно, если не забывать об ограничениях такой процедуры. Ведь хотя яркое и преобладающее влияние какого-либо закона – явление более редкое, чем смешанное трансформированное другими силами, для ряда случаев именно оно наиболее интересно. Ибо, когда удастся понять, при каких условиях оно наиболее существенно, хотя бы в реальности подобный эффект был очень редким явлением, появляется и шанс (пусть даже теоретический), что можно будет, шаблонно выражаясь, поставить их себе на службу. А это, собственно, и составляет цепь познания законов.

И еще несколько замечаний, прежде чем перейти к непосредственной задаче параграфа. Здесь перечисляется много законов. Это создает известные трудности. С одной стороны, я выступаю против абстрактных формулировок, за которыми неясны смысл, сфера и ограничения действия, набор определений, методика разворачивания, координаты приложения и прочее, что и делает закон действительным и действенным средством анализа. С другой – естественно, что я не могу описать у каждого из них не только все эти характеристики, но и просто уделить специальное внимание⁵. С разной степенью полноты это будет сделано в следующих параграфах, но только в отношении нескольких законов. Об иных же вообще сложно говорить до того, как читатель познакомится с последующими главами. Но, думаю, несмотря на вынужденную краткость, само обилие приводимых законов и их комбинаций должно сделать более наглядной идею о неограниченном числе относительно важных законов⁶.

---

⁵ Для удобства и чтобы избежать громоздкости во фразах, даже не везде используются полные названия законов.

⁶ Эта множественность вариантов (и бремя обоснования выбора для исследователя) становится видна даже в рамках какого-то одного важного метода исследования, стоит только отказаться от объективистского подхода и соответственно «от обобщений, необходимо содержащих не исторические элементы» (Шидер Т. Возможности и границы сравнительных методов в исторических науках // Философия и методология истории. М., 1997. С. 157). Например, Теодор Шидер говорит о новой форме сравнительного метода в историографии и теории истории – синтетическом сравнении, когда «целое конструируется из частей, имеющих свои характерные особенности». Эта форма «обнаруживает **почта неисчерпаемую**

Тщательный анализ законов исторического процесса – это тема большого, может быть грандиозного, исследования. Моя задача скромнее. Помимо общих методологических установок, постараться рядом замечаний и иллюстраций показать читателю возможности и ограничения использования законов при анализе исторического процесса; тем самым создать плацдарм, который позволит в дальнейшем аргументировать некоторые идеи.

Существует много параметров, по которым можно делить законы. Начнем с классификации. Продолжим мысль о том, что их можно разделить на те, которые легче обосновать с помощью фактических доказательств, и те, которые доказать просто подбором определенных фактов гораздо сложнее, а то и вовсе нельзя. Первые удобно назвать **фактическими** законами, вторые – **методологическими**.

В качестве примера первого класса назовем законы ускорения исторического развития и все большего сближения обществ. Факты в их реальности и наглядности привести нетрудно. Они, можно сказать, лежат на поверхности. Иное дело, как сформулировать и конкретизировать законы, определить сферу их действия, какие выводы сделать.

Примеры второго класса – законы стадийного (формационного) развития или близости к генеральной линии исторического процесса. Как, скажем, доказать, что исторический процесс развивается по формациям, учитывая его непрерывность? Ясно, насколько спорными выглядят аргументы. Разумеется, трудности не означают, что рассматриваемый закон неправилен, но поскольку он связан с удобством и эффективностью дробления неразрывного и выбора приоритетов для этого, то становится продуктивным средством познания лишь в результате опреде-

---

способность конструирования синтетических совокупностей исторической жизни, коль скоро нам даны простые единицы государственно-исторического или национально-исторического характера» (Там же. Выделено мной. – Л. Г.). Стоит особо отметить, что статья Шидера выгодно отличается от многих других сознательным стремлением определить область и условия применения разных вариантов сравнительного метода, что отражено и в названии статьи.

ленного видения исторического процесса. А значит, является более (или даже преимущественно) **методологическим**.

Конечно, и здесь необходимы фактические доказательства. Но чтобы они приобрели нужную убедительность, а масса противоречивых и необъяснимых фактов перестала закрывать нам перспективу и заняла бы достаточно понятное место, прежде необходимо построить целый ряд теорий и концепций. И только избрав определенные исходные посылки и категории-локомотивы, мы более ясно увидим стадии-циклы, движущие силы и логику их движения и смены, а также повторяющиеся моменты в каждой из них. Аналогично и с близостью к генеральной линии. Сначала надо доказать возможность ее выделения, правомерность объявления таковой именно данной, и лишь тогда станут ясны законы, вытекающие из подобной процедуры.

Таким образом, можно сказать, что *фактические законы позволяют яснее и четче выделять их собственный аспект исторического процесса, а методологические более годятся на роль интегрирующих в группе или даже более широком объединении – системе соподчиненных законов*. Но различия эти не абсолютны.

Законы можно классифицировать и по объему их действия. Одни относятся только или главным образом к историческому процессу, порой лишь к основной его части (например законы близости к генеральной линии). Но поскольку исторический процесс – это часть всемирной истории, то так или иначе они применимы и к теории истории. Другие будут в разной мере (иногда почти одинаково) применимы как в теории истории, так и в социологии истории⁷. К последним относится тип законов

---

⁷ Что же касается философии истории, то здесь есть, конечно, законы, действующие лишь внутри этой области. Но поскольку философия истории стремится в какой-то мере интегрировать ряд наук, связанных с осмыслением истории, то многие ее законы и имеют прежде всего такую направленность. Те ее сферы, которые определяют соотношение сознания (познания) и реальности, то есть гносеологические, относятся ко всем областям, связанным с историей. Ведь и само понятие законов, применительно к обществу и истории, невозможно без философского обоснования. То же касается и методологии. К теории исторического развития и тео-

соотношения (внутри которого можно выделить много подтипов⁸). Они помогают выяснить, каким образом соотносятся те или иные сферы общественной или более широких систем, и показывают причины развития, поскольку «зазоры» между подсистемами – один из важнейших факторов развития. Мы достаточно подробно разбирали такие законы в рамках общественной системы на примере соотношения базиса и надстройки, бытия и сознания, видели, какие средства могут быть для этого использованы (например последовательное уменьшение системы координат «матрешка», составление модели цикла по фазам и др.). Среди законов соотношения указанного уровня можно выделить и более тесную часть – законы соответствия, к которым относится и знаменитый закон соответствия производственных отношений производительным силам.

В теории исторического процесса мы ведем речь уже о формационном уровне, следовательно, имеем дело с законами соотношения (соответствия) формационных составляющих, то есть с более абстрактными соотношениями. Некоторые из них мы видели в предыдущей главе, когда говорили о том, что в формационном масштабе возникает временной лаг между изменениями в производстве и духовной сфере, а подробно рассмотрим их в следующем разделе.

В теории исторического процесса конкретно-общественный уровень значимее, когда речь идет об обществах-первопроходцах, которые находятся наиболее близко от генеральной линии. Здесь граница между уровнями становится более зыбкой. В историческом материализме, кстати сказать, когда приводили примеры соответствия общей теории и конкретной истории, брали именно такие общества. При переходе от одного уровня к другому вообще и в данном моменте в частности необходимо использовать типы законов целого-части, которые облегчают понима-

---

рии истории относятся, конечно, эволюционные законы, законы прогресса, движущих сил и др.

⁸ Многие из них уже достаточно исследованы, в частности те из системных законов, которые относятся к данному типу.

ние сопоставления исторического процесса в целом и отдельных обществ.

На примере законов соотношения (соответствия) видна условность деления вообще и на типы в частности. Так, все законы можно делить на **типы законов стабильности и развития**. Но законы соответствия, например, производственных отношений и производительных сил, в разных своих фазах могут относиться то к одному, то к другому типу. Особенно это заметно в доиндустриальную эпоху. При аграрно-ремесленном хозяйстве достижение определенного соответствия между этими подсистемами позволяло многим обществам и цивилизациям жить в условиях производственной стабильности целые века. Естественно, что на первое место в такой ситуации часто выходили политические (в том числе войны), религиозные и другие моменты. Переворот в производстве (например промышленный) вызывает разрыв в уровнях производительных сил и распределительных отношений. А когда одна подсистема вырывается вперед, стремление другой к соответствию перерастает в источник развития⁹. Таким образом, абсолютизация каких-то делений создает предпосылки для абсолютизации тех или иных различий, что подрывает возможность исследования исторического процесса в единстве, общими законами и категориями, но проявляющимися по-разному на разных его стадиях или при разных линиях развития¹⁰.

---

⁹ Но это развитие особого типа, отличное от того, как оно трактовалось эволюционной теорией. В понимании развития прежде всего как постепенного, медленного, незаметного накопления изменений, ведущих в конце концов к качественному преобразованию объекта, были одно временно и сила, и слабость эволюционистов прошлого. Как отмечал один из исследователей начала XX века, подобный подход давал им преимущество перед старым взглядом, старой верой в Творение (см.: Teggart F. J. Theory and Processes of History. Berkley and Los Angeles, 1941. P. 140). Переход от недостаточно научного к действительно научному взгляду был силой. Слабость же заключалась в односторонности представлений о развитии, в недоучете существования разных его типов, следовательно, в умалении роли скачков, рывков, бифуркаций и прочего.

¹⁰ Так, некоторые исследователи, признающие важное, даже определяющее значение развития производства сегодня, отрицают такую роль для доиндустри-

Законы стабильности в некоторых моментах сходны с законами круговорота. Вместе они образуют множество, которое можно назвать законами полного повторения (воспроизводства)¹¹. Ведь они повторяют свои основные, качественные моменты, по которым мы их узнаем, без больших, серьезных изменений. Только первые эти свойства и отношения поддерживают постоянно (и поэтому к ним можно отнести многие системные законы, поскольку в обычном состоянии система стремится именно к стабильности и должна гасить возникающие в ней несоответствия), а другие имеют своего рода круговорот, где, несмотря на отдельные перемены, новые циклы в основном повторяют прежние. Примеры тех и других мы легко находим в истории. Некоторые общества или институты умудрялись воспроизводить себя в своих главных чертах сотни и тысячи лет. В древности и средневековье в тех или иных моментах хорошо также наблюдался и круговорот¹². Например, фазы централизации – децентрализации; укрепления роли государства в регулировании хозяйства и обобществлении средств производства – ослабления этой роли и приватизация «большими людьми» земли¹³; состояния мира – войны между соседями в течение длительного времени, особенно между кочевыми и оседлыми обществами, и т. п. Но и те и другие законы, как я уже неоднократно го-

---

альных эпох в принципе. Отсюда идея о якобы совершенно отличных законах развития для разных цивилизаций, определяемых только им присущим духом, потенциями или вовсе чем-то мистическим. Между тем указанная зависимость общества и цивилизаций от характера производства (в том числе географической среды) существовала всегда, но действие закона не было столь ярким и значимым, точнее, было таким лишь в отдельные моменты.

¹¹ К ним можно также отнести законы развития по программе, но до определенного потолка, то есть по своего рода генетическому коду.

¹² Недаром древние, особенно на Востоке, склонялись к «теории» круговорота в общественном развитии, настаивая на том, что ничего нового под луной не бывает, все это уже случалось раньше.

¹³ Если принять концепцию «власти-собственности» на Востоке, то можно было бы сказать, что в таких циклах преимущество достигалось то властью, то собственностью, однако они всегда составляли симбиоз.

ворил, менее интересны для теории исторического процесса, более – для теории истории, и еще более – для социологии истории.

Возвращаясь к мысли об условности деления, отметим, что в истории все же любой цикл, любое повторение несло в себе какие-то изменения, совокупная важность которых видна в ретроспективе¹⁴. Поэтому о полном повторении в абсолютном плане говорить не приходится. С другой стороны, хотя граница между «полным» и «неполным» весьма зыбкая, но в этом различии (особенно при заимствовании нового) есть важный смысл и необходимость, и мы к нему еще вернемся.

Законам стабильности, как ясно, противостоят законы развития, среди которых для нас особенно важны законы появления нового, а среди последних особенно – качественного, стадияльного нового. Конечно, определение «нового» достаточно сложно. А выделить из него «качественно новое» также является трудной методологической задачей. Это не редкость среди понятий, которые на эмпирическом или конкретном уровне достаточно ясны, но в определении их никак не удается схватить. Под новым качеством я имею в виду следующие явления, объекты и прочее:

1. Их раньше не было вовсе или у них появились неизвестные ранее функции (либо эти последние слабо использовались); либо благодаря этим моментам, их пертурбациям и прочему изменилась система, в которую они входили, она приобрела новые свойства или усилила старые так, что количество перерастает в новое качество, и т. д. Например, древний метод разделения труда приобрел в мануфактуре такое значение, что это способствовало переходу к промышленному производству. Следовательно, иногда «новое» – это неиспользуемое (не так, плохо, не полностью используемое) старое, которое оказалось вовремя под ру-

---

¹⁴ Иоганн Дройзен отмечал, что в противоположность природной форме простого повторения история характеризуется приумножением в себе самой (см.: Гадамер Х. Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 258).

кой. Недаром же говорят, что, новое – это хорошо забытое старое.

2. Такие вещи всегда есть сочетание большой общественной потребности, необходимости (или хотя бы возможности) и особых сложившихся для их реализации условий¹⁵. Значит, новации в момент их появления неизбежно связаны с какой-то личностью, случаем, ошибками и т. п. Отсюда налицо сочетание поиска решения сиюминутной, конкретной проблемы, с одной стороны, и открывающихся неизвестных (недостаточно, плохо известных) потенциалов удачно найденных решений – с другой. *Но качественно новое – то, что затем отделяется от этих обстоятельств и может развиваться уже в иных условиях.* Поэтому новшество тем важнее, чем легче оно заимствуется, чем меньше связано с конкретным человеком, местностью, обществом, временем; чем более способно к саморазвитию.

3. Можно подумать и над тем, что обеспечивает ценность новации. Х. Г. Гадамер по поводу идеи Ранке о «подлинно всемирно-историческом действии» замечал, что мерило четкости исторической взаимосвязи – *успех какого-либо исторического действия* (в нашем случае новшества). Этот успех, по его мнению, создает саму онтологическую структуру истории, которая «хотя и без телоса, является телеологической», другими словами, действие становится всемирно-историческим, «если оно делает историю, то есть приносит результат, который придает ему длительную историческую значимость. Следовательно, элементы исторической взаимосвязи определяются в соответствии с некоей бессознательной телеологией, соединяющей их воедино

---

¹⁵ «Мы видим перед собой ряд следующих друг за другом и друг друга обуславливающих событий. Когда я говорю «обуславливающих», это, конечно, не означает абсолютной необходимости. Напротив, величие состоит в том, что всюду требуется человеческая свобода: история прослеживает сцены свободы, в этом ее величайшая прелесть. К свободе присоединяется сила, а именно изначальная сила; без нее свобода заканчивается, причем как в мировых событиях, так и в мире идей. Каждое мгновение может начаться что-то новое... рядом со свободой существует необходимость. Она заложена в уже сложившемся, непреборимом, составляющем основу всякой новой восходящей деятельности», – писал Леопольд фон Ранке (цит.: Гадамер Х. Г. ук. соч. С. 252–253).

и исключаящей из этой взаимосвязи то, что не имеет значения»¹⁶. Если заменить слово «телеология» на историческую эволюцию или – еще лучше – исторические (исторического процесса) закономерности, то с этой мыслью вполне можно согласиться¹⁷. Ведь *для теории исторического процесса это новое качество тем важнее, чем на больший по уровню этап совершается с его помощью переход и чем больше обществ его воспринимают.*

4. Таким образом, нас прежде всего интересуют новации, благодаря которым человечество заметно двигалось вперед. Однако для перехода на новый этап формации, тем более от ее незрелого состояния к зрелому, тем более от одной формации к другой, таких новшеств бывает (и должно быть) не одно, а много. А следовательно, встает проблема, как выявить из многих причин более или менее важные (значимые) и расположить их в иерархии. Соответственно возникает много споров. С одной стороны, для решения указанной проблемы необходимо исходить из общей концептуальной системы. Если в ней мы придаем относительно большее значение определенным моментам (причинам, факторам и т. п.), значит, новация, приближенная к этим моментам, будет важнее прочих. Отсюда я считаю, что *различные изменения, совершенные в рамках отдельных обществ, приобретают разное значение для теории исторического процесса в зависимости от близости данного общества к генеральной линии развития, от востребованности этих новаций другими социальными организмами, а также от исторической ретроспективы*¹⁸.

---

¹⁶ Гадамер Х. Г. ук. соч. С. 251–252.

¹⁷ Ведь «то, что нечто удастся или не удастся, определяет не только смысл одного этого деяния и обеспечивает ему длительное воздействие либо обрекает на безрезультатное исчезновение – удача или неудача способна сделать осмысленной или бессмысленной целую взаимосвязь деяний и событий» (Там же. С. 251).

¹⁸ Последнее связано с ситуацией, когда нечто, созданное в далеком от генеральной линии обществе, приближается к ней вместе с приближением к этой линии данного общества, сохранившего свою традицию. Так, вместе с быстрым экономическим ростом стран Юго-Восточной Азии вырос интерес к конфуцианству и

Но, с другой стороны, если некая новация согласно концепции должна быть неважной, не столь важной и т. п., а факты говорят об обратном, значит не все в порядке с нашими идеями. Таким образом, с помощью общей концепции идет постоянное высеивание более важных фактов и событий. И одновременно анализ очевидно значимых, но не вписывающихся в теорию моментов заставляет нас постоянно ее пересматривать и корректировать.

Кроме того, исключительно важно помнить об относительности тех или иных характеристик, о том, что наши утверждения должны быть сделаны в неких определенных рамках, выход из которых осуществляется по определенным логикой-методологическим правилам. Тогда удастся избежать многих ошибок и бессмысленных споров.

Теперь мы можем перейти от типологии к группировкам законов (читатель, конечно, обратил внимание, что ни классификация, ни типология полностью не даны). Но прежде отметим, что можно проследить определенную связь между типами законов как более широкого множества и соотносимыми с ними группами законов исторического процесса. Например, тип законов перехода – группа законов формационных переходов¹⁹; тип законов соотношения – группа законов соотношения формационных составляющих; тип законов качественного развития – группа крупных законов развития исторического процесса (неравномерности, ускорения развития и др.); тип законов целого-части – группа законов соотношения общечеловеческого и обществ-первопроходцев.

В продолжение только что проведенных рассуждений начнем с большой и достаточно многочисленной **группы законов развития исторического процесса**, объясняющих те или иные его черты и аспекты. (Каждый из них и сам мог бы предстать

существенно изменились оценки его исторической роли.

¹⁹ Этому типу также соответствуют группы законов перехода системы в другой уровень, в том числе то, что сегодня называют переходом системы из равновесного состояния в неравновесное в точке или моменте бифуркации.

как группа законов несколько меньшего масштаба.) Речь идет о таком развитии, когда нечто, достигая определенного предела, переходит на следующую ступень своего развития, приобретая новое, в таком виде неизвестное ранее, качество. И таких ступеней может быть несколько, пока некое явление или процесс вообще не исчерпают себя, чтобы превратиться во что-то совсем иное, в новое качество особого уровня²⁰. Нередко тут можно обнаружить проявление всех трех законов диалектики сразу.

У процессов, связанных с подобным переходом из качества в качество, полезно, следовательно, искать начало и конец, хотя это всегда относительные вещи. Однако надо помнить, что пока процесс полностью не завершится, при выделении его начала всегда остается возможность ошибки. И «проблема начала, где бы она ни вставала, является в действительности проблемой конца. Ведь конец и определяет начало, как начало конец... Всякое начало – это конец, и всякий конец – начало»²¹. А поскольку «книга истории для каждой современности есть обрывающийся в темноте фрагмент»²², значит, если начало уже достаточно давно идущих процессов еще как-то можно определить (хотя зарождающиеся сегодня явления часто остаются незамеченными), то конец многих процессов либо вообще не ясен, либо о нем приходится говорить только в самых общих чертах²³. Но с другой стороны, любой процесс должен иметь свой конец, поэтому вести речь о каких-то тенденциях, как о постоянно нарастающих,

---

²⁰ Например, рассматривая процесс образования структур власти, мы можем сказать, что в определенную эпоху появляется государство как совершенно особый институт, затем оно взро­стет, приобретает все новые черты и системность, но в современный период начинает заменяться принципиально иным образованием – надгосударственным. И лет через 50 эта завершенность процесса государственного развития станет самоочевидной.

²¹ Гадамер Х. Г. ук. соч. С. 546.

²² Там же. С. 247.

²³ «Можно предугадать характер широкой исторической тенденции, но предсказать точно те организационные формы, которые она примет невозможно», – справедливо замечает Белл (Белл Д. Постиндустриальное общество // Америка. № 215, сент. 1974. С. 2).

можно лишь в рамках определенных временных отрезков²⁴. Следовательно, мы обязаны исходить только из известной части процессов. И уже это одно делает относительными многие наши утверждения. Мы вернемся еще в следующем параграфе к этой проблеме на примере понятия формационности.

К указанной выше группе мы относили:

а) **закон стадийного (формационного) развития**, который характеризует исторический процесс как имеющий ряд стадий. Внутри каждой из них развитие идет как бы циклически, а сами циклы имеют определенные черты повторяемости. Такой подход, действительно, во многом помогает структурировать всю теорию исторического процесса. Категория «формация» обстоятельно рассматривается в следующем разделе. Поэтому в этой главе я пока еще пользуюсь терминами «стадия» и «формация» как синонимами, хотя очевидно, что формация – это не просто стадия, а стадия особого типа;

б) **закон все большего ускорения исторического развития обществ и человечества в целом**²⁵. Он говорит, что *чем мощнее производительные силы (включая рост населения, науку, ин-*

---

²⁴ «В наши дни такое однозначное представление о линейном характере социальной эволюции и веры в некую ее непоколебимую предопределенность себя уже изжило. История оказалась более непостоянной и непокорной в своей реакции на творчество духа или техники» (Белл Д. Постиндустриальное общество // Америка. № 215, сент. 1974. С. 2).

²⁵ Почувствовавший на своем собственном жизненном опыте это резкое ускорение, Тойнби писал по этому поводу: «Сегодняшний человек недавно осознал, что история набирает скорость – и скорость немислимую. Настоящее поколение осознавало это набирающее силу ускорение лишь в течение своей собственной жизни; оглядываясь же вспять, человек, вооружившись знанием своего прошлого, обнаружил, что это ускорение началось примерно 30 000 лет тому назад... и что оно совершало один за другим «большие скачки вперед» – изобретением сельского хозяйства, возникновением цивилизации и постепенным – в течение двух последних столетий – обузданием титанических физических сил неодушевленной природы. Теперь со страхом ощущается как событие недалекого будущего приближение завершающей точки, которое некогда интуитивно предвидели пророки. Только сегодня неизбежная угроза этого приближения не является предметом веры: это данность наблюдения и опыта» (цит.: Тарнас Р. История западного мышления. М, 1995. С. 349).

форматику и т. п.), тем быстрее идет развитие. Этот закон, конечно, можно сформулировать как *ускорение развития в связи с общим ростом человеческих возможностей, знаний, отношений и т. п.* Другими словами, в первом случае мы соотносим такое ускорение прежде всего с одной подсистемой, во втором – с системой в целом. Но, думается, более продуктивно связать его именно с производительными силами. Это будет не только правильно фактически, но такую связь легче проследить и удобнее описывать. А потом уже привлечь законы соответствия как общественных подсистем, так и формационных составляющих;

в) **закон все большего сближения обществ и интеграции человечества.** Для него имеет смысл говорить о некоторых характеристиках, которые можно выражать в цифровых значениях. И тогда разные типы обществ удалось бы сравнить также и по количественным показателям (вроде плотности контактов, интенсивности передачи информации и т. п.)²⁶. Два последних закона полезно в некоторых случаях и объединять, поскольку они тесно взаимосвязаны: *чем сильнее историческое развитие человечества, тем сильнее интеграция обществ между собой.*

Как уже говорилось, поиски особых соотношений законов в группах способствуют обнаружению достаточно емких формулировок. Используя вышеприведенную, например, можно применительно к историческому процессу вывести **закон соотношения внутренних и внешних факторов:** *чем сильнее сближение и интеграция обществ, чем выше темп развития, тем меньшую роль будут играть внутренние факторы в развитии обществ и большую – внешние.* Под внешними здесь понимаются не инородные (вроде природных бедствий или вражеских нашествий), а факторы более высокой системы, куда входит данное общество, причем системы не умоглядной, не теоретиче-

---

²⁶ Исследования в этом направлении, возможно, показали бы более наглядно опасность безудержного наращивания темпов развития.

ской, а достаточно реальной²⁷. Об этом законе подробнее в следующем параграфе;

г) **закон неравномерности развития обществ** (о нем также в следующем параграфе). Разумеется, к этой группе относятся и ряд других законов.

Поговорим теперь о *группах законов вертикального и горизонтального развития*. Ведь хотя законы развития позволяют яснее увидеть движущие силы и направление исторического процесса, причины качественных изменений, очень многое остается неясным или выглядит искаженным, если не задать рамки теории с помощью вертикальной и горизонтальной линий развития. В таких рамках многое сразу принимает иной вид, например, и рассмотренные выше законы в каждой линии (в каждой проекции) проявляются особо.

Вертикальная линия – условное название для показа исторического развития во времени в определенном качественном измерении, то есть движение «вверх» по шкале времени и перемен к современности. Однако внутри такой объемной группы законов удобно будет выделить две подгруппы: *близости к генеральной линии развития, остальные линии*. Дело в том, что хотя большинство обществ так или иначе и движется «по вертикали», но их модели и темпы развития, успехи, историческая роль крайне различаются. Другими словами, они все идут хотя и в вертикальном направлении, но по разным линиям, из которых только одну мы считаем центральной²⁸.

---

²⁷ Применительно к пространственно-временным группировкам, в том числе цивилизациям, можно было бы момент «сближения обществ» раскрыть так: чем сильнее взаимосвязь, взаимозависимость, родство или близость между обществами и чем лучше (яснее) это осознается, тем значительнее влияние обществ друг на друга, а их группы в целом – на каждого члена в отдельности.

²⁸ Чем сильнее изоляция обществ и возможность параллелизма, тем вероятнее, что определенное время (какой-то период формации) могут сосуществовать больше одной генеральной линии развития. Но раньше или позже одна из них превращается в боковую, а иногда и все, если эволюция как бы выпускает новую ветвь развития. Например, несколько параллельных линий было во второй формации. Так, существовало несколько основных центров земледелия и развития цивилизации (Ближний Восток, Индия, Китай). Но с расцветом Эллады все они пере-

Что мы имеем в виду под генеральной, линией развития? Упрощенно говоря (а основательно – в следующем разделе), это теоретическая модель главного направления исторического процесса, составленная на основе развития группы передовых («исторических») обществ, достижения которых не просто подвинули человечество вперед, по так или иначе явились «мостиками» в передаче исторической «эстафеты», а многие институты стали в дальнейшем наиболее распространенными среди большинства обществ. А сами исторические пути таких обществ выглядят как звенья в единой цепи развития от прошлого к будущему²⁹. Но эту линию мы выстраиваем отдельно для каждой формации (и даже ее части) и затем ищем «мостики». Поэтому в таких рамках генеральная линия – это теоретическая модель развития на данном этапе исторического процесса, составленная на основе развития группы передовых обществ, которые – что непременно – взаимодействуют друг с другом и качественно обогащают друг друга. Естественно, что чем завершеннее формация, тем большее число обществ мы привлекаем для составления такой модели. Эта модель считается генеральной потому, что сразу или через определенное время становится образцом для заимствования многих других обществ.

Поэтому мы можем говорить о **законе близости к генеральной линии развития**, согласно которому *роль тех или иных обществ в развитии исторического процесса тем выше, чем ближе общество к генеральной линии развития, чем важнее переходный этап к новому, впервые осуществляющийся в данном обществе*³⁰. Это одно из проявлений законов целого-части.

стали быть таковыми. После падения Римской империи они вновь начинают претендовать на генеральные линии до расцвета Европы.

²⁹ Единой, значит, если мысленно мы вынем хоть одно звено из нее, она разомкнется и преемственность исторического процесса нарушится. Но точнее говорить не обо всем историческом пути подобных обществ, а о какой-то его части, которая и является наиболее важной с рассматриваемой точки зрения.

³⁰ Соответственно то же можно сказать об отдельных личностях и событиях данного общества, учитывая, конечно, уровень и масштаб.

Переход же к такому новому, которое влечет очередную смену направления генеральной линии исторического процесса, связан с **законом складывания особых условий в месте и времени качественных изменений**. Когда формация достигает большой зрелости, то в орбиту таких высокоразвитых обществ включается все большее число периферийных, в результате сама формация в мировом масштабе приобретает законченные и системные черты. Это препятствует качественному скачку. Неудивительно, что нередко такой скачок совершается не в центре, а на окраине формации. Можно также сказать, что *чем уникальнее должны сложиться условия для перехода к новому, и чем труднее они могут повториться в другом месте, и чем легче потом его достижения заимствовать, тем важнее роль данного общества во всемирно-историческом процессе*.

Соответственно, *чем дальше находится общество от генеральной линии, тем меньшее влияние оказывают события в нем на ход исторического процесса*. Однако здесь можно говорить о законах **исторической ретроспективы**. Ведь если в будущем это общество приблизится к генеральной линии, то какие-то события его истории, даже давние и прежде неважные с рассматриваемой точки зрения, могут неожиданно стать важными, так как они заложили некоторые особенности, теперь вышедшие на первый план. Влияние обществ, находящихся не на генеральной линии развития, способно быть очень большим, если они начинают соперничать или вести прямую борьбу с антагонистическими им обществами, близкими к генеральной линии³¹.

Подгруппа законов остальных линий вертикального развития включает в себя **законы параллельности и вариантности развития и законы, объясняющие связь разных линий исторического процесса и перехода обществ с одной на другие**.

---

³¹ Следовательно, и отрицательное влияние на общечеловеческое развитие также пропорционально близости к наиболее важным и передовым регионам. Скажем, при всей отрицательности роли татаро-монгольских нашествий все же они не имели фатального значения для всемирно-исторического процесса, поскольку почти не затронули Европу.

Первые объясняют причины существования и сосуществования разных линий развития истории. При этом вариантность, характерная для отдельных групп обществ, может быть прослежена и для каждой составляющей формацию. Количество различных линий и вариантов тесно связано со степенью интеграции и скоростью исторического развития. В начале параграфа мы уже приводили соответствующий тезис об этом, а также об усилении относительности понятий «генеральная линия» и «боковые линии». Можно добавить и такую формулировку: *чем больше изоляция обществ, тем вероятнее параллелизм и (или) вариантность развития в рамках формации.*

При ускорении развития возможность вызревания альтернативных линий развития уменьшается, так как для этого нет времени, а новации заимствуются очень быстро.

Таким образом, при реализации потенциалов остальные возможности, бывшие альтернативными, исчезают или трансформируются во что-то иное (иногда определенные детали местного варианта общей модели). Это в чем-то напоминает шахматную игру, когда каждый сделанный ход сразу отсекает множество других (лучших или худших) возможностей, которые существовали до него³². *Но чем меньше вариантов развития, тем очевиднее «генеральность» определенной линии, которая в то же время начинает гораздо активнее вбирать в себя достижения боковых.* Тем самым двойной процесс усиливает интеграцию.

Вторые показывают, что генеральная и остальные линии не идут строго параллельно, а тесно связаны между собой. Определенные механизмы этой связи можно понять с помощью некото-

---

³² Сравнение истории с шахматной игрой, где ход каждого из партнеров зависит от предшествующих ходов противника, от тех идей, которые возникают в уме игрока при скрещивании его комбинаций с комбинацией соперника, появилось уже давно. В частности, его делал Курно, исследуя исторические случайности (см.: Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. СПб, 1913. С. 206). Это сравнение больше подходит для развития отдельных обществ, не даром ведь какие-то роковые события или неумение воспользоваться случаем уводили те или иные из них в сторону от магистрального пути развития. И «переигрывать» историческую партию приходилось уже через большой промежуток времени другим поколениям и в других условиях.

рых законов, например **оптимума развития**. В свое время, исследуя понятие прогресса, мы говорили о том, что существуют определенные точки оптимума развития, отклонение от которых удаляет общество от генеральной линии. На протяжении формации таких точек может быть одна или несколько (в зависимости от масштаба нашего исследования и других причин). До их достижения наращивание количественных показателей достаточно хорошо демонстрирует прогресс. Но после пересечения каждой из них общество как бы проскакивает тот пункт, в котором создаются наиболее удачные и удобные условия для качественного роста к будущему, и начинает все сильнее уходить «вбок». В результате могут возникнуть кризисные явления, гибель, распад, регресс социальных систем. В то же время развитие после преодоления точки оптимума в направлении, отличном от генерального, ведет некоторые общества ко все большей зрелости, консерватизму, устойчивости и самодостаточности. Поэтому можно сказать, *что чем дальше общество отошло от такой точки оптимума (и по времени, и организационно), тем сложнее ему самостоятельно перейти к новому.*

Но поскольку раньше или позже переходить к иным моделям приходится, то делается это уже не столько под воздействием логики внутреннего развития, но и иным путем: за счет внешних воздействий или вынужденной модернизации. Таким образом, действует **закон победы и распространения «лучшего»**. Он показывает, *как среди конкурирующих моделей побеждают и укрепляются немногие*, и связан с заимствованием, потребностью в модернизации, реформировании и т. п. Можно сказать, *что «лучшее» тем очевиднее, чем ближе оно к своей зрелой форме*. Разумеется, «лучшее» – довольно неопределенное понятие. В общем плане таковым можно считать то, что больше способствует выживанию, военной победе, решению определенных задач. Но в данном случае имеются в виду такие преимущества отдельных обществ, которые способствуют движению формации вперед. Следовательно, *лучшее в данном контексте –*

это принципиально новое, преимущества которого стали очевидными.

Однако, как уже говорилось, любое заимствование не может происходить без какого-то влияния местных и исторических условий, а иногда и подвергается сильной коррекции с их стороны. Поэтому здесь нужно учитывать и действие **закона неполного (неточного) повторения передовых моделей, техники, институтов и пр.** Он назван так потому, что повторение путем заимствования сильно отличается от самостоятельного развития. Тем не менее, конечно, определенное сходство имеется. Нужно отметить, что *чем больше разрыв в уровнях развития донора и реципиента, тем больше возможны искажения общего системного плана за счет разницы потенциалов, отторжения, редукции и прочего, тем, стало быть, заметнее различаются модели развития.* Но сами заимствованные институты в этом случае могут быть формально просто скопированы. И наоборот, *чем меньше разница в уровнях, тем более возможны варианты в заимствованных моментах, но больше сходства в моделях.* Следовательно, будет верным – особенно для индустриальных эпох – такое соотношение: *чем позже общество достигает определенной фазы развития, тем значительнее различия с первоначальными моделями* (об этом еще в следующем параграфе). Таким образом, этот закон вместе с законом победы лучшего, с одной стороны, ведет разные общества в вертикальном направлении, но, с другой – может способствовать формированию разных его линий уже на новом уровне и этапе.

К группе законов горизонтальной линии развития относятся законы: а) **формационного сходства отдельных формационных характеристик и обществ в целом** (по сути, это закон стадийного развития в горизонтальном измерении); б) **соотношения влияния внешних и внутренних факторов**; в) **победы и распространения «лучшего»**; г) **неравномерности**; д) **разных форм взаимодействия обществ**; е) **создания достаточных условий для перехода к новому и ряд других.**

Здесь нужно очень ясно понимать, что вертикальная и горизонтальная линии – это два измерения, две проекции единого процесса. *Следовательно, к ним подходят одни и те же законы, но преломляющиеся по-разному в этих проекциях, либо определенные законы одной проекции имеют как бы свою пару в другой*³³. И только переходя от одной линии к другой, можно увидеть хотя бы схему развития каких-то аспектов исторического процесса. Возьмем, к примеру, процесс смены формации или одного из ее этапов. С помощью закона создания особых условий в местах появления нового (и ряда других) мы можем понять, как совершается прорыв в вертикальном направлении. Но когда новое укрепилось, оно неизбежно должно распространяться вширь и сменять старое. И эта часть процесса описывается уже законами неравномерности, а также победы и распространения нового. В результате старая формация постепенно уступает место новой, однако в связи с неполным повторением, различными формами взаимодействия и прочим она укрепляется уже не в одном, а в нескольких вариантах, которые окончательно утверждаются в период зрелости. Таким образом, мы видим как бы пульсацию: расширения – сужения, то есть два основных цикла процесса, вертикальный – горизонтальный³⁴.

То же касается и других моментов и аспектов, связывающих две линии развития. После того как новое укрепилось в одном или нескольких местах, начинается вновь поиск возможности его экспансии, то есть распространение его из вертикали в горизонталь. Постепенно новшества становятся не просто обычным делом, а приобретают вариантность, усовершенствуются, приходят к своему потолку. Затем можно говорить о **законе создания достаточных условий для перехода к новому**, то есть определенной материальной базы, новаций, институтов, опыта, успе-

---

³³ Поэтому в принципе можно вести речь о единичных (двойных) более емких законах. Но в данном случае, поскольку рассматривается процедура группировки, это нецелесообразно. Кроме того, такое разделение способно лучше подготовить читателя к восприятию теории исторического процесса в следующем разделе.

³⁴ Такие циклы можно проследить для жизни новаций и более мелкого масштаба.

хов общественного сознания и т. п. Все это формируется как раз за счет разных вариантов, подвариантов, переходных типов, взаимодействия обществ, отпочкования и т. п., которые постепенно и создают необходимые условия в виде соответствующей среды, потребностей, набора новаций и т. п. После формирования достаточных условий в действие вступает закон создания особых условий для перехода к новому, механизм которого мы описывали. Таким образом, мы видим две проекции общего закона. Вертикальная делает акцент на особость, уникальность складывающихся условий в месте и моменте появления нового, горизонтальная – на то, как подготавливается эта уникальность за счет накопления множества менее радикальных изменений.

А чтобы движение вверх в целом могло осуществиться, необходимы постоянные контакты между линиями, ветвями, обществами, их частями и т. д. вплоть до самых низких уровней (межчеловеческих связей). Эти контакты очень разнообразны: соперничество, прямое уничтожение или насильственное изменение, ассимиляция, инкорпорация, кооперация и т. д. В целом же мы сталкиваемся с **законом разных форм взаимодействия обществ**, причем между разными формами можно искать определенные соответствия для разных эпох и типов обществ³⁵. Важную роль в распространении нового и создании условий для его возникновения играют и различные группировки обществ.

Закон разных форм тесно связан с **законом соотношения внутренних и внешних факторов**. Ведь контакты в определенном аспекте можно рассматривать как взаимодействие внутренних и внешних факторов. В принципе любое новшество (не обязательно формационного масштаба) может быть описано как появившееся в результате такого взаимодействия. Но чаще правильнее считать, что оно появляется там, где в данном случае преобладали внутренние факторы над внешними, а распространяется в обществах, в которых это перенимание уже вызывается

---

³⁵ Например, между торговлей и войной. Чем сильнее общества зависят от взаимной торговли, тем меньше вероятности войн между ними (а когда такие войны случаются, то чаще связаны именно с торгово-экономическими интересами).

больше внешними факторами. Естественно, что градации здесь очень велики (вспомним, что мы видели, например, в отношении идеологии). При этом *чем позже идет по времени заимствование и чем зрелее новое, тем в более готовом виде это новое перенимается*. Но, с другой стороны, и возможность отторжения (несовместимости) нового и местного из-за разницы в уровнях системных элементов возрастает.

Относительно закона сходства формационных характеристик. Мы говорили, что во всех подсистемах отдельных обществ определенных формаций можно выделить некоторые сходные черты. Но значение такого выделенного качества по сравнению со спецификой конкретного общества может быть как большим, так и небольшим. И эти различия в яркости проявления невозможно игнорировать.

Очень важно понять, *что сходные формационные качества правильнее всего определять на стадии зрелости формации, когда они приобрели только им свойственные черты, а старое или исчезло, или трансформировалось в составную часть нового*³⁶. Следовательно, для переходных периодов такие качества больше определяются ретроспективно, поскольку в переходные периоды возникает, опробуется и сосуществует много различных комбинаций. Поэтому общие категории и свойства, найденные для данной формации, имеют весьма существенные особенности для ранних и поздних ее этапов.

Большую роль в распространении общих черт играют и законы неполного и неточного повторения. Однако в любом случае такие заимствования приводят к появлению в каждом обществе собственной специфики. *Отсюда законы формационного сходства одновременно предполагают и вариантность (подтипы) таких свойств*. Количество подтипов и степень их различия зависят от достоинств выведенной нами категории и от особенностей той сферы, которую мы анализируем. У некоторых кате-

---

³⁶ Эти черты могут приобретать еще большую наглядность на стадиях высокой зрелости.

горий обобщение более нейтральное, у других – менее; спектр проявлений такого качества может быть шире или уже.

Идея движения к качественно более высоким, сложным уровням ведет к необходимости особое внимание уделить проблемам перехода и переходных периодов от одного состояния к другому. Поэтому есть смысл выделить *группу законов формационных переходов и переходных периодов*, которые выражают общее, показывают варианты перехода и конечную победу лишь некоторых моделей. Отнесем к ним, во-первых, те законы, о которых уже шла речь: **создания особых условий в местах качественных изменений, неравномерности, победы и распространения лучшего, близости к генеральной линии** и другие, также и те, о которых мы еще не говорили: а) **закон неизбежности переходных периодов**. Как бы быстро ни шли заимствования, как бы правильно ни действовали реформаторы, все равно какой-то переходный период должен быть. *Но переходный период тем короче, чем более зрелые моменты заимствуются и чем лучше учитывается разница в уровнях между донором и реципиентом*, б) **закон сходных (несходных) реакций на сходные (несходные) условия и вызовы**. Здесь могут быть самые различные комбинации, которые проясняют причины неравномерности развития, создания особых условий в местах качественных изменений, разные линии развития, роль тех или иных факторов; в) **закон главного и остаточного противоречий**, который включает в себя причины возникновения и нарастания того, что можно назвать основным противоречием формации; формы его разрешения в разных обществах; трансформацию основного противоречия в первые периоды новой формации и превращения его в остаточное; г) **другие законы**.

Группа законов соотношения формационных составляющих показывает два крайних их состояния: **притирки**, когда основные составляющие находятся в таком соотношении, что формацию можно считать находящейся в состоянии расцвета или зрелости (расхождения, если и есть, разрешаются или в «рабочем» порядке, или через кризисы, которые не ведут к разру-

шению системы); **разрыва в уровнях** основных составляющих. Причем этот разрыв может быть частичным или полным. К этой группе мы относим **законы: инвариантности; большей фундаментальности принципа производства; временного разрыва уровней между способом производства формации и другими составляющими; закон основного противоречия формации**, а также еще целый ряд законов, характеризующих соотношения (соответствия) разных составляющих формации между собой.

Поскольку речь идет о чередующихся фазах, то необходимо сразу говорить о нескольких законах. Например, **закон инвариантности** нужно объединить с **законами большей фундаментальности принципа производства и основного противоречия формации**, точнее, его частью, связанной с возникновением и нарастанием этого противоречия. Для фазы разрыва будет верным: *вырывание вперед определенной составляющей раньше или позже должно вести либо к подтягиванию к ней других (через преодоление возникшего противоречия), либо к возврату ее назад (хотя и неполному).*

Из этого следует ряд выводов. Во-первых, в зависимости от разных условий преодоление противоречия может осуществляться разными путями и за счет разных подсистем. Но с точки зрения необратимости движения к новой формации такие рывки в политической, распределительной, духовной сферах чаще всего оказываются непрочными или недостаточными. А возможности для заимствования этих достижений другими обществами существенно ограничены. И когда в обществах, совершивших рывок, могут измениться условия, позволившие это сделать, совершается откат к уровню старой формации, хотя и неполный, поскольку сделанные достижения частично сохраняются в живом или возможном для воскрешения виде.

Во-вторых, наиболее устойчивым движением вперед в формационном масштабе является прорыв в хозяйственной области, в переходе на такой тип производства, который знаменует начало переворота в мировых производительных силах, то есть пере-

ход к новому принципу производства. В этом случае возможность заимствования повышается, и даже если само общество-первооткрыватель деградирует, новация начинает жить самостоятельно. Отсюда раньше или позже идет подтягивание остальных составляющих к принципу производства. Это, собственно, и составляет смысл **закона большей фундаментальности принципа производства**.

Но такое подтягивание происходит через нарастание и преодоление основного противоречия формации. Ведь переход от одной формации к другой совершается не автоматически, а как поиск наиболее удачной формы разрешения накопившихся противоречий или реализации оформившихся потенций. Это противоречие наиболее четко просматривается между *принципом производства и типом отчуждения*, то есть производственной и распределительной составляющими формации. *И для этапа зрелости формации чем сильнее разрыв между принципом производства и типом отчуждения в уровнях развития, тем заметнее основное противоречие формации*. В зависимости от близости к генеральной линии и других вещей форма и острота противоречий меняются. Это нарастание проходит ряд этапов, а противоречие в некоторых частностях «расшивляется», а затем разрешается радикально. Эта радикальность состоит в том, что появляется такая новация, которая объединяет в систему прежнее, а в результате открывается очень большая перспектива в развитии.

После того как тип отчуждения в основном подтягивается к принципу производства и в общих чертах формируется новый **способ производства формации**, остается разрыв между ним и другими составляющими формации, который ощущается весьма остро. *Но поскольку переход в новую формацию не только намечился, но и в первом приближении состоялся, это противоречие уже можно считать остаточным*. Поэтому мы и можем говорить о **временном** разрыве в уровнях способа производства и других составляющих формации. Кое-что по этому поводу мы видели и главе о цивилизациях.

При анализе *группы законов соотношения формационного (общечеловеческого) развития и развития обществ-первопроходцев* в целом надо исходить из того, что наибольшее приближение бывает тогда, когда переход к новому совершается в одном (немногих) местах. Тогда момент перехода к новому в отдельном обществе и формации временно совпадает³⁷. И, следовательно, *чем ближе находится конкретное общество к генеральной линии исторического процесса, тем в том отношении и в тот период, в котором оно приближено к этой линии, его частные законы по характеру приближаются к формационным, но не могут быть им идентичны никогда, а события, произошедшие в нем, приобретают всемирно-историческое значение*³⁸.

Здесь важны **законы: создания особых условий в местах качественного рывка; неравномерности; сходных-несходных реакций на сходные-несходные вызовы; неполного (неточного) повторения.** О последнем можно добавить, что повторение тех или иных процессов в разных обществах связано с неполным повторением того, что было в обществах-первопроходцах, уже потому, что в развитии последних очень много индивидуального. Ведь поиск пути в новое идет там наощупь, с компромиссами и колебаниями, часто даже без осознания масштаба новизны. Естественно, что многое из таких индивидуальных особенностей либо отпадает само по себе при заимствовании, либо это не могут, не хотят, не считают нужным перенимать (ведь какие-то вещи, например технику, можно брать в готовом

---

³⁷ Это значит, что определенный период исторического процесса данного общества в вертикальной проекции становится для исследователя как бы базовой моделью вертикальной линии данного периода данной формации.

³⁸ Проблема соотношения формационного развития и обществ-первопроходцев во многом непосредственно относится к теории истории, точнее, находится на стыке ее и теории исторического процесса. Поэтому о ряде формационных законов применительно к ней следует говорить в их особом преломлении к таким обществам и первоначальным моделям. Например, закон инвариантности принципа производства предстанет в виде особого случая закона соответствия производительных сил и производственных отношений, о котором пойдет речь в следующем параграфе.

виде, без тех политических или правовых институтов, без которых они изначально не могли бы возникнуть).

Итак, даже некоторые подходы к систематизации законов показывают необъятность задачи и ограниченность наших усилий. Но отнюдь не их бесплодность. Напротив, выявление групп, а внутри них важных связей позволяет гораздо глубже понять исторический процесс, место и возможности отдельного закона в его познании. Эти процедуры также намечают направление действий там и тогда, где и когда масштаб и сложность задач превышают возможности отдельных законов. Важный шаг в этом плане, то есть от отдельных законов к их группам, мы сделали. Но ведь в рамках теории исторического процесса они еще не конечный этап такого укрупнения. Почему? Уже потому, что мы убедились в том, что связь между группами очень тесная, одни и те же законы необходимо включать в разные, группы, а в определенном масштабе при разворачивании каких-то проблем ограничиться одной группой практически невозможно.

Следовательно, мы должны сделать следующий шаг и перейти уже к **понятию системы соподчиненных законов**. Она создается вокруг и с помощью **объяснительных принципов**.

(О них чуть дальше, когда мы наметим, куда вообще ведет процедура укрупнения, ибо она так же бесконечна, как и реальность, мы ограничиваем ее тогда, когда дальнейшее движение мысли становится уже излишним³⁹.) Это совершенно необходи-

---

³⁹ Хочу сразу оговориться, что очень сложную теоретическую (гносеологическую и методологическую) проблему: куда, собственно, ведет процедура укрупнения законов, – только на основе анализа законов и их более крупных объединений не решить, поскольку мы тут же сталкиваемся с более широкой проблемой возможности укрупнения аналитических средств вообще, связывания их в системы и далее теории, выделения областей познания и прочее. Ведь на таком уровне переход законов, категорий, правил, других аналитических средств друг в друга становится особенно сметным. Поэтому, если ждать однозначного объективистского решения, то сделанные здесь выводы не удовлетворят. Но если полагать, что мы лишь моделируем реальность, при этом для обеспечения самой возможности познавать все глубже и во все больших связях препарируем, делим, огрубляем ее, то высказанные мысли могут помочь по крайней мере в более ясном понимании са-

мый этап. Ведь вне системы мы видим только отдельные яркие проявления отдельных законов. Поэтому возможности изолированного изучения законов ограничены, и мы их не расширим, пока не увидим и не поймем картину в целом. Но чтобы распутать пот клубок, чтобы хоть схематично представить механизм функционирования этого уникального и невероятно сложного процесса, нужно осмыслить (и построить) систему законов исторического процесса. А приступив к подобной работе, мы начинаем осознавать, что в рамках такой системы координат законы находятся уже во многом в заданной связи и даже в определенной, хотя сразу и неясной иерархической соподчиненности.

Кроме того, мы обнаруживаем, что эту систему нельзя выстроить с «нуля», то есть начиная с некоего исходного пункта, на который можно «навешивать» все более сложные вещи. Но и построить систему только сверху, не проникая одновременно на разные уровни, не пытаясь совмещать индивидуальное со всеобщим, нельзя.

Таким образом, законы невозможно просто исследовать либо сверху, либо снизу. Перед нами огромный и сложнейший объект, и мы подбираемся к его анализу с разных концов, уровней, аспектов, постепенно объединяя эти фрагменты и моделируя объект в целом, работая для этого одновременно на разных уровнях, как это, скажем, делалось в случае соотношения общечеловеческого и обществ-первопроходцев. При этом мы опираемся на массу (основную) наблюдений, выводов и заключений, сделанных другими.

Итак, базовый уровень *крупного закона* – крупная задача или определенный аспект исторического процесса. Базовый уровень *группы законов* – это аспект, взятый в более широком контексте, или группа близких аспектов и задач. Базовый уровень *системы законов* вместе с объяснительным принципом – теория исторического процесса в целом. Однако это не значит, что подобные системы законов покрывают весь исторический процесс, то есть что он есть их предельный уровень. Нет, базовый уровень – та-

---

мих этих операций.

кой, в котором сочетается не слишком много аналогичных систем и принципов. Выше них, связывая указанные принципы, лежит уже целая теория с более высоким **объединительным или интегрирующим** принципом. **Объяснительные** принципы названы так потому, что в них еще очень много фактического, точнее, онтологического. Объединяя ряд групп законов, они способны объяснить (описать) какую-то крупную часть всего процесса. В **интегрирующих** принципах гораздо больше методологического. О них дальше. Можно сказать, что принципы есть результат абстрагирования ряда или большой группы соподчиненных или близких по каким-то основаниям законов. И они подготовлены большой предшествующей практикой и опытом.

Вместо термина «объяснительный принцип» можно было бы, конечно, дать и другие: мегазакон, макрозакон, ведущая тенденция и т. п. Действительно, тут есть некоторые черты приведенных терминов, ведь принцип опирается на конкретизирующие его законы и естественно отражает часть их признаков. Но все же слово «принцип» лучше подчеркивает методологическую сторону дела, показывая, как, с помощью каких логико-методологических подходов можно связать ряд законов при минимуме противоречий в общую концепцию, а в понятиях «мегазакон» и прочих этот важнейший аспект почти не просматривается.

Очевидно, что границы между уровнями не есть нечто раз и навсегда зафиксированное. Поэтому объяснительный принцип при возникновении системы законов не создается из ничего, а вырастает из какого-то закона, способного выполнять роль структурирующего стержня в ней. Например, мы выводим закон, который говорит, что в развитии многих обществ наблюдается определенное сходство в стадиях развития и, таким образом, эта стадильность есть качество, распространенное и существенно характеризующее всемирную историю. При дальнейшем анализе, однако, выясняется, что не все общества имеют одинаковые стадии. Углубление исследования показывает, что

если ввести понятие генеральной линии исторического процесса, то станет яснее, что именно у обществ, приближающихся к этой линии, больше сходства в стадиях развития и, кроме того, сами взаимодействия этих обществ дают и некое надобщественное качество или, лучше сказать, первичную формационную модель. Однако при таком уточнении первоначальный закон обрастает многими пояснениями и смыкается с целым рядом других, поэтому мы можем говорить уже о группе законов, связанных со стадийным развитием.

Но если ограничиться только генеральной линией, настаивая на том, что она описывает весь исторический процесс, мы, во-первых, теряем всеобщность, которая так же необходима в теории исторического процесса, как и подчеркивание особенности, а во-вторых, многое остается неясным и теоретически не вписанным в общую концепцию, которая становится в целом неэффективной. Фактически так случилось с историческим материализмом⁴⁰. Следовательно, нам обязательно необходимо привлечь и горизонтальную линию, с помощью которой можно установить некоторую схожесть на определенной стадии у всех обществ и показать причины неравномерности, которые приводят к рывку в следующее качество и затем к заимствованию передовой модели.

Итак, в результате проведенных операций и поиска более емких формулировок первоначальный закон легко «дорастает» до роли объяснительного принципа, способного сплотить, кроме этих, еще и группы законов формационного перехода, соотно-

---

⁴⁰ Когда же его сегодня пытаются подлатать, возникает именно описанная ситуация: одна линия всемирной истории вырывается из общего контекста без соответствующих методологических обоснований. Например, иногда пятичленную периодизацию трактуют как периодизацию, касающуюся только меньшей части обществ (некоторые ученые и формацию определяют как ступень, которая свойственна только отдельным обществам). В этом случае, если это не делается с целью связать такую периодизацию с всеобщей или чтобы локализовать сферу ее применения, выведенные общности теряют свое значение. Вся же теоретическая конструкция имеет практически один смысл – любой ценой сохранить пятичленку.

печения общечеловеческого и обществ-первопроходцев. Для нашего случая мы могли бы дать следующую формулировку:

В историческом процессе можно выделить ряд качественно отличных по характеристикам стадий формаций, но сами характеристики описываются с помощью единых категорий. Внутри любой из формаций можно выделить определенные этапы, которые идут в одинаковой последовательности и некоторые свойства которых однотипны для всех стадий (такова, например, функциональная роль каждого этапа в развитии формации в целом). У обществ каждой стадии, несмотря на большие различия между ними, можно выделить на определенном уровне абстракции много общего, составляющего специфику именно данной формации.

Поговорим теперь об **интегрирующих** принципах. Их уже нельзя «вырастить» из закона, хотя определенная связь с последним имеется. Как сказано, здесь акцент делается прежде всего на методологию и очерчивание границ областей знания. Отсюда базовый уровень подобных объединительных принципов – теория истории в целом, которую они делят на определенные области или уровни⁴¹. И чтобы выделить теорию исторического процесса из теории истории, этот принцип я бы сформулировал так: *весь поток фактов прошлого людей можно представить как единый исторический процесс, имеющий определенные*

---

⁴¹ К принципам данного уровня относятся общие характеристики истории, например ее непрерывность, уникальность событий и прочее. Ми поводу непрерывности Р. Миллс писал: «...вместе с Буркхардом мы, вероятно, считаем, что абсолютная непрерывность является единственной закономерностью, которую можно обнаружить в истории» (Миллс Р. Властвующая элита. М., 1959. С. 50).

Один из подобных принципов – потребность рассматривать и представлять историю как нечто целое. Как бы ни пытались подорвать веру в правомерность такого подхода, практика показывает, что именно он открывает перспективы совмещения объективности и субъективности, обретения наиболее удобных и плодотворных концептуальных конструкции, если, конечно, не впадать в объективизм и отдавать себе отчет в определенной условности такого подхода. Даже некоторые теоретики постмодернизма считают, что возможности построения их моделей все еще проистекают «от идеи объективного познания истории как целостности» (Holscher L. The New Annalistic: a Scetch of a Theory of History // HiMory and Theory. 1997. V. 36. № 3. P. 327).

направления, этапы, движущие силы и прочее. Следовательно, в рамках такого представления одни факты и ситуации становятся более значимыми, чем другие.

Выше подобных принципов располагается уже интегрирующий принцип теории истории, помогающий отделить ее от историографии и социологии истории. Но при всей важности такой иерархии, позволяющей как-то систематизировать подходы к выделению определенных областей знания, и которую можно проследить и дальше, ей, конечно, нельзя придавать самодовлеющего значения. Могут быть самые разные пограничные и смешанные ситуации.

Возникает вопрос, насколько правомерно выделять такого рода принципы, иными словами, есть ли бесспорные доказательства их обоснования и формулирования или это только игра ума? Надо понимать, что они не выступают какими-то самоочевидными «евклидовыми» постулатами и не «лежат» отдельно от всей концепции. Напротив, их доказательность связана с достоинствами общего подхода, как и наоборот. Ведь говорить о равноправности интерпретаций истории можно лишь априорно. Но если в подтверждение какой-либо из них удастся привести веские аргументы, например выдвинуть ряд законов, а те, в свою очередь, связать общей системой, то разница между точками зрения в плане их научности, доказательности и ценности может быть очень большая. А следовательно, и каждый шаг данной теории приобретает особый смысл.

Но требовать абсолютного доказательства правомерности какого-то принципа или полагать, что к ним можно прийти чисто логически, не стоит. Это противоречит и современным гносеологическим парадигмам. Поясню подробнее.

А. Надо отказаться от декартовой идеи, что все можно вывести из одной мысли, одного постулата и т. п., опираясь просто на чистое мышление⁴². Только в рамках объективного идеализма

---

⁴² Один из современных философов считает, что хотя сам Декарт не был скептиком, но он поставил скептицизм в философскую «повестку дня» (см.: Landesman C. An Introduction to Epistemology. Cambridge, Mass. USA – Oxford, UK, 1988. P. 2,

(и то не во всякой системе) одна идея выводит из себя все другие. Правда, поскольку все остальные системы так или иначе выросли из объективного идеализма, постольку стремление найти абсолютный исходный пункт или принцип рассуждения чувствуется до сих пор. Отсюда ясно, что искать абсолютных доказательств, как это нередко делала и продолжает еще делать эпистемология, нет смысла. Относительность истины делает относительными также преимущества и доказательства⁴³.

Б. Логическая сторона дела исключительно важна, и во многих случаях именно она решает дело. Но проблема доказательности решается многими путями, включая опыт, самоочевидность, удобство и т. п. Науки, которые добились наиболее важных успехов, как раз больше опираются на опыт. Но здесь будет также недостаточно только чисто фактических доказательств, хотя они нередко играют решающую роль и всегда – важную. Прямая нехватка фактов для отдельных периодов, различия в их интерпретации, а также то, что все факты никогда не могут просто уложиться в теорию, должна быть компенсирована методологическими, гносеологическими и практическими (в соответствии с особенностями избранной области) доказательствами. Причем они должны все впитаться в систему, а также по возможности интегрировать и другие принципы. Таким образом, в нашем случае надо опираться и на опыт (в виде фактов и апробированных выводов), и на логику, но особенно на возможность свести все вместе.

32, 47). И я думаю, что важную роль в этом сдвиге к скептицизму играла попытка объявить все исходные пункты рассуждения, кроме одного, недостаточно твердыми. А избрав один абсолютный пункт, неизбежно убеждаешься потом, что и он является в том или ином плане относительным.

⁴³ Тут к месту согласиться с Поппером, что традиционная эпистемология с ее концентрацией внимания на знании в субъективном смысле не соответствует в некотором строгом смысле этого слова стоящей перед ней цели, а именно построению теории научного знания, поскольку как раз для последнего она фактически и не годится. Следствием этого является то, что большая часть современной эпистемологии также не соответствует своей цели, хотя она в первую очередь и должна заниматься исследованием научных проблем и проблемных ситуаций, дискуссий и т. п. (Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983. С. 442–445).

В. При таком взгляде нам требуется определенная порция прагматизма. Ибо, если нет каких-то абсолютных исходных пунктов и доказательств, что наш принцип единственно верный, то мы вынуждены удовлетвориться тем, чтобы найти достаточно убедительные относительные аргументы и моменты, которые как более удачные, очевидные, продуктивные, чем другие, способны выступать критерием доказательности. Совершенно очевидно также, что не стоит уповать на обнаружение какого-то особого сверхдоказательного метода. История науки опровергла эти надежды и показала, что нет чисто дедуктивного и чисто индуктивного методов, как нет чисто исторического, генетического, критического, логического или какого-то еще. Налицо комплекс или система методов, хотя в каких-то ситуациях тот или иной преобладает.

Г. Итак, очевидно, что можно избирать разные принципы и подходы. Но такой принцип не может просто висеть в воздухе, а должен быть развернут основательно. А как раз при подобном развертывании достоинства разного плана, как и недостатки, и становятся весьма очевидными.

Например, мы можем выразить такой принцип: развитие разных частей человечества идет разными путями и совершается по разным законам. Здесь подмечена определенная тенденция. Но ее роль и объем действия сильно преувеличены, поскольку игнорируется уменьшение ее значения в историческом процессе. Стоит отойти от наиболее ярких ее проявлений, то есть от древности и средневековья, и попытаться развернуть этот принцип параллелизма на весь исторический путь, как сразу станет очевидным уменьшение различий между обществами по мере приближения к современности. Это вынужден был признать и такой сторонник указанного подхода, как Тойнби.

Фактически эту идею необходимо сузить до определенных рамок (периодов). Кроме того, неправомерно говорить о разных законах. Напротив, мы видели, что в данном аспекте можно вывести общий закон, который говорит, что параллелизм больше тогда, когда больше изоляция и меньше контактов. А поскольку

сегодня изоляция уменьшается, то закон действует по-иному, то есть на уменьшение параллелизма и различий. Ведь *чем ближе к современности, тем меньше линий развития внутри человечества и меньше различий между этими линиями*. Уже индустриализм колоссально сблизил общества в плане образования, производительных сил, профессионального состава и т. п. Сегодня этот процесс усилился многократно. Разумеется, различия до конца не сотрутся, останутся и, возможно, на месте старых появятся какие-то новые, которые могут играть свою роль в конкуренции за ресурсы, власть, права и пр. Но они или не будут создавать параллелизма в развитии, или он станет на несколько порядков меньше, чем прежде⁴⁴.

Таким образом, разнолинейность хорошо укладывается в закон сближения обществ и не противоречит тому методологическому принципу, согласно которому для исторического процесса правильнее говорить о единых законах, при обязательном учете, что их проявления весьма разнообразны в зависимости от разных обстоятельств и параметров.

Можно выдвинуть и такой принцип: историческое развитие есть лишь реализация изначально заложенных различий в духе народов (свойствах рас, наций, реализации исторической судьбы и т. п.). Однако развернуть этот принцип так, чтобы объяснить сегодняшнее стремительное сближение обществ, выдвижение в лидеры народов, которые прежде казались обреченными на прозябание, и прочее окажется крайне затруднительным. Фактически при таком подходе мы сталкиваемся с мистицизмом, фатализмом и ненаучностью⁴⁵. К тому же и народы-этноты суще-

---

⁴⁴ Исторические и культурные различия могут способствовать более быстрому и простому объединению близких в этом плане обществ в наднациональные группировки (об этом мы говорили в прошлой главе). Но этому объединению будут способствовать и совсем иные факторы (например географический), а, кроме того, переход обществ из группировки в группировку будет достаточно легким.

⁴⁵ П. Н. Милуков называл это пережитком «попыток сохранить метафизическое или даже теологическое значение за «индивидуальностью» и ее «свободой». В «социологии» некоторых направлений это рассуждение обычно распространяется с личности на целые народы, «дух» которых также признается «индивидуальным», неразложимым, а потому и необъяснимым» (Милуков П. Н. Очерки по ис-

ствовали не всегда, а есть результат сложной исторической комбинации, а их характер более или менее проявляется лишь по достижении ими определенной степени зрелости.

Подобные принципы, как и формулировки аналогичных им главных законов истории, или «смысла истории», при разворачивании или превращаются в «прокрустово ложе» для фактов, или просто в бесполезное, не связанное с реальностью утверждение, или настолько усложняются, что теряют всякое значение. Ведь главное их «достоинство» именно в ложной простоте и универсальности. Один философ, рассуждая над «философиями истории», которые формулируют «смысл истории», отмечает, что такие утверждения обычно постулируются малым числом образцов или главных факторов, и «значение» каждого события становится эквивалентным его месту, дате и другим определяющим характеристикам⁴⁶. И он перечисляет условия, при которых подобные концепции неверны: если требуется больше чем один образец или закон для объяснения направления событий; если случаи непознаваемы в терминах этой «закрытой системы», то есть если образец или «икон» сопровождается множеством случайностей; «если образец или закон, детерминирующие события, не включают в себе широкие вариации человеческих феноменов (социальных, политических и т. д.); или если причинная схема слишком сложна и запутанна, тогда формулировка не подходит для того, чтобы размышлять о «философии истории», вовсе, так же, как и говорить о смысле истории⁴⁷.

Как видим, «простые» принципы практически не могут выполнить этих условий, они неизбежно превращаются в более относительные, условные, сложные и т. п. Но формулируемые в абсолютном виде, они этим обрекаются быть отброшенными.

Можно выдвинуть и иные, более методологические принципы. Например: «Научная социология отодвигает на второй план точку зрения всемирной истории. Она признает естественной

тории русской культуры: Н 3 т. Т. 1. М., 1993. С. 41).

⁴⁶ Из смысла текста речь идет о жестком закреплении значения.

⁴⁷ Stover R. The Nature of Historical Thinking. N. Carolina, 1967. P. 251-252.

единицей научного наблюдения отдельный социальный (национальный) организм»⁴⁸. Но и это положение, приемлемое в области социологии истории (разумеется, с поправками), не годится для теории исторического процесса, поскольку не соответствует очевидным тенденциям, выраженным и в законе сближения, и в законе ускорения развития, и в других.

Таким образом, существует возможность и проверки общих принципов, и использования законов, и совершения с ними различных логико-методологических операций, а следовательно, и возможность доказать большую правомерность, продуктивность и истинность концепции.

§ 4. Пояснения к некоторым законам

Название данного параграфа надо рассматривать в значительной мере как условное, поскольку, как не раз подчеркивалось, границы между законом, группой законов и их системой также достаточно условны и подвижны. Причем я вынужден переходить от уровня к уровню, не всегда оговаривая это.

Продолжим разговор о законе стадийности (формационности). Напомню, что в этой главе я пока еще пользуюсь терминами «стадия» и «формация» как синонимами. Надеюсь также, что читатель простит некоторые повторения.

Итак, мы говорили, что, рассматривая историческое развитие человечества в совокупности, можно увидеть определенную повторяемость как в причинах и движущих силах перехода со стадии на стадию, а внутри них – с этапа на этап, так и в последовательности этапов развития любой из стадий. Другими словами, в историческом процессе можно увидеть не просто стадии, а стадии, каждая из которых имеет принципиально одинаковый с другими цикл своего развития. Он включает в себя: зарождение и укрепление нового, его распространение и расцвет, достижение зрелости и оформление специфических черт, обретение высокой степени зрелости, когда обостряются противоре-

---

⁴⁸ Миллюков П. Н. ук. соч. С. 43.

чия; затем кризис и формирование отдельных элементов нового; и опять зарождение новой системы. В рамках такого большого цикла можно также увидеть, что и отдельные составляющие моменты формационного процесса, правда, с разной скоростью и с разрывом во времени, повторяют указанный цикл. В этом смысле и можно говорить, что они инвариантны друг другу. Но, конечно, все эти сходства не точные, поскольку имеет место не простое повторение, а качественное развитие, скорость которого к тому же постоянно увеличивается. Перед нами, если можно так выразиться, системное и процессно-циклическое сходство.

Это один аспект, связанный с историческим движением человечества в целом. Но есть и другой, а именно: и определенных (но далеко не во всех) случаях и объемах закон стадийности проявляется как закон развития, характерный для общественных организмов, в развитии которых прослеживаются сходные стадии⁴⁹.

Казалось бы, здесь налицо противоречие: или формационный цикл должен быть в любом социальном организме одинаков, или же надо говорить только об общечеловеческом уровне. Но на самом деле никакого противоречия нет. Напротив, именно так и должно быть, что единый (общечеловеческий) характер этих стадий-циклов опирается на весьма неодинаковую их реализацию в разных обществах. Причины этого определяются самой спецификой формационного движения. Например, мы видели, что все этапы формационного цикла (особенно первые, связанные с вызреванием нового) яснее прослеживаются в социумах, близких к генеральной линии развития. В тех же случаях,

---

⁴⁹ Собственно, он так и рассматривался в историческом материализме. Но с тем коренным, неустранимым недостатком, что эти стадии считались неизбежными и обязательными для всех (за редкими исключениями), а их смена обуславливалась в основном внутренними причинами. Сам же закон трактовался как имманентный. Но поскольку в исторической реальности у обществ не только не наблюдалось полного сходства в стадиях, но, напротив, имелись очень серьезные различия в этом плане, многие ученые стали критиковать такой подход и отказались от идеи формационного развития.

когда новая система прямо заимствуется, они как бы смазываются. Таким образом, ускорение развития укорачивает цикл⁵⁰.

Итак, очевидно, что общечеловеческий формационный цикл все же можно проследить и в большинстве отдельных обществ. Следовательно, от идеи стадильности ни для всемирного масштаба, ни для них отказываться не приходится. Но *нужно понимать: хотя общий принцип касается и частей, однако соотношение это не прямое. Поэтому о **формации** необходимо говорить прежде всего как об общечеловеческой стадии развития.*

И пока она идет на подъем, в ней всегда есть передовой по уровню развития центр (центры) и больше или меньше отсталая периферия, и влияние первого на вторую обычно сильнее обратного⁵¹.

Модель формации соотносится с развитием конкретных обществ по-разному, в зависимости от множества причин, в том числе близости к генеральной линии и времени прохождения тех или иных фаз (в частности, идет ли формация на подъем или на спад). Следовательно, соотношение фаз цикла (по длительности протекания), острота противоречий, доминирование внутренних или внешних факторов как источника стадильного развития и многое другое сильно колеблется от общества к обществу. И такие особенности можно понять, объяснить и даже в чем-то предвидеть, если определить то системное место, которое данное общество занимает в формационной модели.

Сама же эта модель может быть создана только на основе общечеловеческого движения, так как развитие ни одного общества ей прямо не соответствует, уже потому (помимо множества других причин), что закон неравномерности постоянно меняет лидеров. Следовательно, ни одно общество не может быть по-

---

⁵⁰ Это касается и современного развития вообще, так как очень быстрый темп развития делает границы между этапами производственной революции и формации очень нечеткими.

⁵¹ И эта формула хорошо увязывает формационный и т. н. миросистемный подходы, достаточно популярные среди некоторых современных ученых. В следующем разделе, я надеюсь, мы подробно рассмотрим этот момент.

стоянно впереди всех и, значит, постоянно находиться ближе всех к генеральной линии развития⁵².

При таком подходе многие проблемы снимаются, а многие теоретические противоречия оказываются мнимыми. Чтобы доказать и развить эту мысль, рассмотрим одну цитату. «Принцип историзма... предполагает взгляд на формационность (в плане онтологическом) как на метрический феномен, т. е. имеющий свое начало... становление и пик (с достижением ее капиталистической ступени) и, наконец, завершение... Соответственно тому как формационность – эта объективно данная закономерность и эпоха всеобщей истории – зарождается, «вырабатывается» (или становится) и умирает (или угасает), исчерпывая себя как способ разворачивания всеобщей истории, так и теория формаций претерпевает сходные изменения, приобретая и затем теряя силу как выражение одной из важнейших мировых закономерностей. Современная ситуация такова, что формационность, как нам представляется, уже начинает исчерпывать себя, уже передает быть основным способом эволюции человечества, что и лишает теорию формации ее прежней действительно всеобщей силы, делая ее или недостаточной, или неприменимой»⁵³. Далее автор цитаты приводит ряд аргументов в пользу своей точки зрения, суммируя которые, можно сказать, что в результате интеграции человечества, роста производительных сил, в том числе и духовных, таких как наука (что затрудняет разграничение базиса и надстройки), и других факторов, возникает ситуация, когда на большинство стран, особенно развивающихся, «законы формационности воздействуют, так сказать, «извне», а внутри нее действуют в деформированном виде (противоречие между

---

⁵² Ведь раз эстафета нового передается от одного общества к другому, значит, и в обществах-первопроходцах какие-то этапы могут заимствоваться, а следовательно, модель их развития не соответствует полностью формационной.

⁵³ Чешков М. А. Проблемы общей теории развивающихся стран (по материалам советских исследований 50–80х гг.). М., 1988. С. 47–48.

субстанционной и динамической сторонами структур так называемых квазиформаций)»⁵⁴.

Без сомнения, автор говорит о теории формации в ее классическом истматовском виде, считающей главной движущей силой развития в каждом обществе именно внутренние факторы, а потому полагающей, что законы развития действуют принципиально одинаково во всех обществах. Для такого подхода аргумент, что число ситуаций, когда «законы формационности воздействуют извне», а не изнутри, как следовало бы по «правилам», растет, становится весьма серьезной критикой⁵⁵.

Но если отказаться от идеи, что формационное развитие одинаково и в целом, и в частях, и относить понятие формации в первую очередь к общечеловеческому масштабу; если понять, что переход к новому самостоятельно идет лишь в отдельных местах, а затем так или иначе связан с воздействием извне более развитых обществ (моментов) на менее развитые; если увидеть, что, чем дальше идет процесс расширения формации, тем сильнее такое воздействие, поскольку многие системы просто не могут сами перейти к новому без насильственного вмешательства, то аргумент против формационности превращается в объяснение *логики формационного процесса*, начинающегося в отдельных местах и центрах и *идущего от более развитых обществ и регионов ко все более отсталым*.

Немного дальше мы продолжим разговор о формационности. Сейчас же, мне кажется, удобный случай остановиться на **законе соотношения внутренних и внешних факторов**. Варианты их соотношения, само собой, очень разнообразны. Нас, в

---

⁵⁴ Чешков М. А. Проблемы общей теории развивающихся стран (по материалам советских исследований 50–80х гг.). М., 1988. С. 48.

⁵⁵ Хотя я не думаю, что все же он опровергает напрочь идею формационности применительно к сегодняшнему дню даже в рамках исторического материализма. Ведь и в нем в известной мере допускалось системное влияние внешних факторов при смене формаций, например, пользуясь его логикой, такова роль варварских нашествий в падении рабовладельческого способа производства; или можно напомнить о «миновании» какой-то формации под воздействием более развитого окружения.

первую очередь, интересует смена формаций и их этапов. Об этом мы и будем рассуждать. Но и здесь много комбинаций. Однако в определенной мере их можно систематизировать. Стоит только напомнить, что эти очень важные и удобные понятия – «внутренний» и «внешний» – не абсолютны, а относительны, но безусловны, а условны.

Невозможно отрицать, что только некоторые общества самостоятельно создавали производительные силы, становящиеся затем основными в новой формации. Остальные социальные организмы в большей или меньшей степени их заимствовали, внося тот или иной вклад в их развитие. Такие заимствования, то есть внешние факторы, в конечном счете и создавали в них условия для перехода в новую мадию. Это особенно наглядно видно в группе тех обществ, которые брали производительные силы в уже почти готовом виде, например в массовом масштабе, ввозя машины, оборудование, технологии, а нередко перенимая многие общественные отношения и институты передовых стран. Тогда качественный рывок возникал за счет насильственной или вынужденной модернизации. А уже новые производительные силы и выросшие на их базе новые общественные группы способствовали формированию внутренних противоречий также нового типа. При этом последние часто так смешивались с неразрешенными противоречиями старой формации, что возникала «взрывоопасная» революционная смесь.

Таким образом, об одном из аспектов рассматриваемую закона можно сказать, *что заимствования, то есть перевод внешних моментов вовнутрь, неизбежно больше или меньше меняют ситуацию внутри принимающего общества*⁵⁶. Но естественно, что степень влияния таких факторов очень различается. И поскольку системные законы стремятся к восстановлению равновесия, *только некоторые внешние импульсы способны изме-*

---

⁵⁶ Отметим, что иногда и чисто внешние моменты трансформируют внутреннюю систему, если она перестает быть самодостаточной, и по-иному структурируют ее. Такова, скажем, внешняя торговля, приспособляющая внутреннее производство к своим нуждам.

нить систему путем создания внутренних импульсов, которые ведут к развитию и нарастанию противоречий. А для ряда очень устойчивых, самодостаточных систем только такие и могут сформировать внутренние силы, способные сдвинуть ее с точки равновесия. Производительные силы относятся именно к подобным факторам, особенно индустриальные и тем более современные. Добавим, что иногда система настолько зарегулирована, что внешние воздействия никак не могут изменить ее, а только разрушить. Это особенно относится к доиндустриальным периодам, где производительные силы и внешняя торговля не всегда были способны взять такие крепости. И потому для этого времени войны при всей их дикости выполняли роль движущей силы развития.

Отметим, что и наоборот, внутренние импульсы способны выйти за рамки породившего их общества и перерасти в военную, религиозную, торговую, колониальную, революционную, идеологическую экспансию. И если она исходит от передовых обществ, то и способствует распространению передового на менее продвинутые регионы. *Таким образом, внутренние и внешние факторы могут переходить из одного состояния в другое, выполняя в формационном процессе роль закона сообщающихся сосудов. Естественно, что чем теснее общаются между собой эти «сосуды», тем быстрее в них устанавливается единый уровень.*

Следовательно, исходя из такой диалектики, при рассмотрении общества, в котором произошла революция, для объяснения причин революционной ситуации мы можем часто отвлекаться от того, что производительные силы оказались ввезенными, и говорить в основном о внутренних противоречиях и факторах. Однако с точки зрения формационных изменений это уже не будет корректным. Ибо первичную роль, роль катализатора изменений, приведших к росту противоречий, сыграли все же внешние факторы, то есть заимствованные техника и институты⁵⁷.

---

⁵⁷ Описанная ситуация – одна из моделей перехода к новому, хотя и не всегда к генеральной линии его. Так было в России. Другая модель – революция, точнее,

Сегодня революции более редкое явление, но различные внешние факторы, к числу которых добавился и такой, как постоянная информация о внутренних делах других стран, трансформируются где в социальные, национальные, расовые, молодежные конфликты, где в военные перевороты, распад государства, а где в более цивилизованные формы: референдумы, опросы, голосования по поводу серьезных внутренних изменений. При этом мы видим на примере отсталых обществ, что *чем больше разрыв в уровнях развития между внешними и внутренними факторами, тем сильнее влияние первых, на вторые*. В определенном плане такое несоответствие просто подавляет внутренние источники развития. Но, с другой стороны, слишком большая разница препятствует усвоению этих внешних вещей так, чтобы сделать их частью внутренней системы. *Поэтому чем сильнее разрыв, тем сложнее внедрить и приспособить внешние факторы*. Следовательно, нужно говорить о его **оптимальных параметрах**.

Мне думается, что *оптимальным будет разрыв в пределах от одного до двух этапов формации* (из шести, которые я устанавливаю) при полусамостоятельном догоняющем развитии⁵⁸. Здесь заимствуются еще незрелые силы, институты и формы, а потому еще много вариантности, творчества», приспособления к своей среде. При перенимании зрелых отношений формации, которые уже просто ввозятся с помощью зарубежных специалистов (или с помощью своих, овладевающих иностранным), *оптимальный разрыв – три-четыре этапа*. Затем уже возникает несовместимость, часто выливающаяся в совершенно особые

гражданская война, разрешающая некоторые старые противоречия, способствует пересмотру политики в отношении заимствования. И тогда внешние факторы постоянно трансформируют общество, пока оно не приходит к кризису. Таково было развитие в Японии. Есть и другие модели, конечно.

⁵⁸ При слишком малом разрыве, то есть в пределах одного и того же этапа формации, действуют часто уже иные силы, иногда заимствования в условиях жесткого соперничества, а иногда собственные преимущества затемняют факт отставания и не дают его преодолеть. Политическая история Европы в XVI–XVIII веках дает много примеров и того и другого.

формы, как это мы видели в предыдущей главе на примере Африки. Но следует заметить, что *чем меньше разрыв между внешними и внутренними моментами по уровню, тем заметнее роль последних в качественном развитии, тем больше вариаций в таком развитии и тем органичнее вписывается новое в систему* (к этому моменту мы еще вернемся немного позже при обсуждении закона неравномерности).

Развивая эту мысль, можно сказать, что *чем ближе общество (группа обществ) к генеральной линии развития, чем новее то, что внутри него создается, тем существеннее роль внутренних факторов в плане качественного развития*. При этом темп не слишком велик по будущим меркам (по прошлым он обычно увеличивается). И, следовательно, развитие идет органичнее, чем при заимствовании. Ведь тут, то есть именно в данном моменте и аспекте, еще нет столь жесткого соперничества, поскольку еще никто не осознает ни что это будет, ни какова его роль в будущем. Часто даже трудно предположить, что это вообще нечто совершенно особое⁵⁹. Особенно это касается далеких от военной или технической сферы областей. Таким образом, *чем сильнее внутренние факторы, тем меньше темп формационного развития* (с учетом прочих равных условий). И это хорошо объясняет некоторые аспекты закона неравномерности: *догоняющие страны проходят отрезок пути, на который они отстали, быстрее, чем страны-первопроходцы, а потому на стадии зрелости формации для передовых регионов уровень во многом сравнивается*.

На взаимодействие внутренних и внешних факторов влияет много причин. Колоссальную роль играет само понимание необходимости заимствовать и брать пример с соседей. С нового времени это убеждение постепенно растет и становится все более мощной силой, способствующей ускорению развития и

---

⁵⁹ Посмотрите на процесс политической (а вместе с этим и этнической, хотя это не осознается или не признается) интеграции европейских стран. Тут нет такой спешки, которая появится, когда важность и необходимость такого объединения осознаются другими.

сближению обществ. В предыдущие эпохи, когда такое осознание было слабым или вовсе отсутствовало, его заменяла нужда, прежде всего фактор соперничества, особенно военного. Ведь необходимость выиграть войну часто ломала прежние предрассудки и мобилизовывала все ресурсы. В современных условиях экономическое соревнование и соперничество в совокупности с ясным осознанием нужности и важности перемен и заимствований создают как бы двойную тягу и составляют важнейший момент рассматриваемого нами аспекта⁶⁰.

Указанные вещи вместе с пониманием необходимости и ожиданием пользы от заимствования чужого и внедрении его в свое вместе с определенной перестройкой можно объединить в формулу **необходимость (выгодность) заимствований**⁶¹. Очевидно, что наиболее необходимыми и выгодными для перенимания (прежде всего для элиты) чаще всего выступали военные и производственные (технические) моменты. Но нередко была и прямая материальная выгода, которая заставляла все приспособлять, можем, для внешней торговли или охраны торговых путей. В условиях ослабления прежней религии (идеологии) могут заимствоваться новые религии и идеологии (сегодня национализм или приверженность к национальной религии). А когда осознается отсталость страны, то переносятся просто целые институты: правовые и судебные, политические и экономические.

---

⁶⁰ И если бы мировое сообщество все-таки решило уменьшить столь стремительный темп развития, то одним из эффективнейших средств для этого был бы перевод такого бесконечного соревнования в контролируемое русло.

⁶¹ К слову сказать, очень часто реформаторы прельщают народ, публику именно выгодностью, быстрой отдачей от реформ. Когда же этого не случается, интерес к ним может резко падать. А поскольку часто не учитываются реальные возможности заимствований и применимость их к национальной среде, реформы далеко не всегда дают ожидаемые результаты. И могут быть случаи, когда новации легче приживаются в более отсталых странах и хуже – в более развитых. Это связано с неучетом (если прилагать вышесделанные рассуждения) оптимальности разрыва, с тем, что при меньшем разрыве нужно больше творчества при заимствовании в «подгонке» институтов именно под себя.

Таким образом, мы могли бы попробовать суммировать сказанное. *Влияние (роль) внешних факторов для качественного развития общества тем значительнее, чем оптимальнее параметры разрыва в уровнях внешнего и внутреннего чем необходимее (выгоднее) заимствование для системы; и тем легче их перенимать, чем распространеннее они в мире; чем яснее осознание необходимости перемен; чем органичнее они могут вписаться в систему*⁶². О последнем пункте надо добавить, что новации тем органичнее вписываются в систему, чем меньше затрагивают интересы наиболее влиятельных сил общества (чем больше им соответствуют), а также чем яснее это понимается.

Очевидно, что по этому поводу можно было бы еще многое сказать, но мы вернемся к вопросу о формационности. Итак, тезис о том, что она теряет свой импульс относится к неадекватной теории. Но есть смысл подумать, насколько аргументы об исчерпании формационности противоречат моей концепции, которая полагает формационность *именно общечеловеческим* способом развития при котором варианты и формы формационного развития отдельных обществ зависят от их места в пространстве и времени этого мирового процесса.

Формационность, то есть способ разворачивания смены формаций, в доиндустриальный период, как и сегодня, шел на двух базовых уровнях: внутриобщественном и межобщественном. Только чем глубже в историю, тем важнее был первый уровень и слабее второй⁶³. Следовательно, качественное развитие больше шло за счет внутренних факторов, и формационность разворачивалась основном внутри обществ и групп, хотя постепенно размеры и тех и других от тысячелетия к тысячелетию росли. Постепенно, как мы видели в предыдущей главе, все

---

⁶² Указанные в данном законе моменты (или их составляющие вещи) могут противоречить друг другу, ограничивать или усиливать друг друга.

⁶³ Формационность можно рассматривать одновременно и как онтологическое, и как методологическое свойство. И чем глубже в историю, тем ближе онтологичность к уровню определенного социально-исторического организма. По мере сближения человечества общечеловеческий уровень все органичнее вбирает в себя и ту и другую стороны.

большую роль стали играть пространственно-временные группировки разного типа. Поэтому межобщественные факторы с каждой эпохой играли все большую роль, не главное значение среди них все же имели контакты разрушительного рода. Такая пропорция и определяла медленность и непрочность качественного развития. С индустриальной революции пропорция постепенно меняется и межобщественные, а теперь уже и мировые силы (производительные, наука, информатика и другие) начинают играть все большую роль. Конечно, внутриобщественные и особенно силы внутри пространственно-временных группировок еще весьма и весьма велики, но они все очевиднее перестают уже быть решающими. Различные идеи о конце истории (как и о конце формационности) отражают это осознание конца прежнего способа развития, особенно конца цивилизационного в классическом виде развития.

Таким образом, можно согласиться с автором рассматриваемой в начале параграфа цитаты, что формационность как способ разворачивания мирового исторического процесса зарождается и становится (взрослеет). В целом бесспорна и его мысль о том, что онтологически любой способ развития приходит к финишу, за которым его роль падает, а сам он может трансформироваться или исчезать. Но наступил ли такой момент относительно формационности? Думается, нет, если рассматривать ее именно как общечеловеческое движение. Напротив, в таком понимании этот способ развития вступает в свою зрелость, поскольку налицо сближение человечества и поиск путей его общего развития. А когда эти стремления распространятся на большинство обществ и регионов, он достигнет вершины своего развития. Таким образом, можно полагать, что пик формационности придется именно на четвертую формацию, когда *общечеловеческое движение станет более заметным, чем внутриобщественное, то есть когда роль группового (мирового) станет более важной в жизни большинства обществ.*

Затем, весьма возможно, формационность постепенно пойдет на спад, поскольку изменится сам способ перехода на новую

ступень, это будут уже не столько отдельные общества, сколько отдельные сферы или регионы, при этом разница в быстроте вступления во многом сотрется, а степень влияния внутренних и внешних факторов будет трудноопределимой⁶⁴. Но это уже вопрос будущего, а не настоящего. Сегодня же, как мне думается, теория формаций (но не истматовская) вполне годится, если ее использовать правильно.

Разговор о формационности дает возможность сделать пояснения к некоторым с ней связанным законам. Начнем с **законов формационного перехода и переходных периодов**. Мы видели, что обязательной частью формационного цикла является молодая фаза⁶⁵, в которой вызревают специфические черты новой формации и устраняются остатки старой. В этой переходной стадии появляется много разных вариантов. Большинство из них впоследствии исчезают или трансформируются в те, что доказали свое превосходство. Здесь к месту вспомнить и закон исчезновения переходных вариантов, достаточно хорошо сформулированный Тейяром де Шарденом для эволюции вообще. «Как в пространстве, так и в длительности черешок (или, что тоже самое, почка) живой ветви обладает минимумом дифференциации, экспансии и сопротивляемости. Как же действует время на эту слабую зону? Неизбежно уничтожая то, что от нее остается. Эту раздражающую, но существенную непрочность исходного материала должны почувствовать все, кто занимается историей!». «Везде – в биологии, культуре, лингвистике, – как резинка в руках художника, время стирает каждую бледную линию в рисунке жизни», – делает блестящее сравнение этот мыслитель⁶⁶.

---

⁶⁴ Вообще стирание некоторых привычных онтологических черт, различий противоречий можно рассматривать как предвестник перехода к новому. Поэтому и смешение внутреннего и внешнего есть, возможно, начало перехода к новому способу развития человечества, который раскроете я значительно позже.

⁶⁵ Фактически ее удобнее делить на две фазы: раннюю (переходную) и молодости (молодую). Так и я делаю в следующем разделе.

⁶⁶ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1985. С. 103.

Но, помимо непрочности самых первых переходных моментов, надо помнить и о группе, так сказать, вторичных и третичных переходных ветвей от старого к новому, точнее, от очень зрелого старого к достаточно зрелому новому. В отличие от первичных вариантов, последующие часто могут быть весьма прочными и устойчивыми. Но обычно эти модели есть путь вбок, то есть в тупик или полутупик⁶⁷. Но часто именно их ошибочно принимают за ту самую переходную ступеньку от одной зрелой формы к другой, которую ищут с особенным интересом. Однако это лишь боковые, двоюродные, чаще троюродные, четвероуродные родственники того, что нужно.

Ведь развитие идет путем создания многих моделей и форм и выбора из них наиболее перспективных направлений и вариантов. Остальные раньше или позже уничтожаются, либо подчиняются, либо трансформируются, либо обрекаются на своего рода изоляцию, тупиковость и т. п. Недоучет всего этого ведет к неверному пониманию исторического процесса, так же как игнорирование того, что самостоятельно открыть путь к перспективному новому способны лишь немногие, причем в их развитии особенным образом суммируются достижения других. Следовательно, не каждая языческая религия ведет к монотеизму, не каждая система мифов – к появлению идеологии, не каждое охотничье-собираческое хозяйство – к сельскому хозяйству, не каждое сословное общество – к демократии и т. п.

Такой подход снимает много спорных проблем и предупреждает от серьезных ошибок⁶⁸.

---

⁶⁷ Последнее означает, что выход из них возможен, но только путем заимствования, когда перспективная модель уже сформировалась.

⁶⁸ Например, в отношении первобытности, когда уже находящиеся в состоянии упадка и явно ушедшие вбок от генеральной линии развития социальные организмы пытаются выдавать за обязательную ступень развития всех первобытных народов. Или пример ирокезов, который мы разбирали в третьей главе. Фактически общество, пошедшее по немагистральному пути и представляющее аналог сложного вождества, а то и раннего государства, Морган и его многочисленные последователи представляли как магистральный путь развития. Это касается и попыток выдать явления, характерные для племенных (или скорее квазиплеменных) групп, за нечто обязательное в характеристике племени как института вообще,

Существенно также, что очень опасно экстраполировать законы и черты, характерные для зрелых явлений, на ранние, переходные или боковые варианты. Например, в предыдущей главе мы видели, что в ранних цивилизациях идеология очень незрела и искать ярко выраженных и четко сформулированных идеологий там нельзя. Собственно, **правило исторической ретроспективы** говорит о том, что *смысл некоего явления, института или эпохи, которую мы рассматриваем как единый процесс, надо определять по их зрелому этапу*. Другими словами, если мы говорим, например, о производственной революции, государстве, частной собственности, феодализме и т. п., то основные черты их можно увидеть, лишь когда они достигли своей зрелости. В ранние же их периоды эти черты или смешаны, подавлены другими (старыми, промежуточными или – в ретроспективе – боковыми и тупиковыми), или еще не проявились вовсе, или не играют пока заметной роли. Следовательно, придавать им то же значение (системное и фактическое), какое они принимают в зрелой фазе, значит грешить против фактов, ставить логику над историей, а не отыскивать первую во второй⁶⁹. То же касается и основных черт формации.

Но, с другой стороны, переходные этапы не следует отрывать от зрелых, например, при периодизации относя их к прежнему (завершенному) этапу. В этом случае правильнее всего искать начала, видеть генезис и определять прямые и боковые линии развития для этих этапов. Ведь не может нечто сразу появиться в готовом зрелом виде⁷⁰.

хотя в прежние эпохи племена никогда не могли бы достигнуть таких величин по численности.

⁶⁹ Так, в раннефеодальном обществе порой «находят» крупную частную земельную собственность (как «находили» ее некоторые историки на Руси до середины XI века) или недоумевают по поводу отсутствия таковой.

⁷⁰ Так, удивляются, что в ранних государствах еще нет каких-то черт развитого государства (например территориального деления, правильной налоговой системы), и на этом основании относят их к догосударственным. Неудивительно, что датировки образования одного и того же европейского государства могут расхо- диться на триста лет.

Логично теперь будет поговорить и о неравномерности. Ее можно рассматривать и вне связи со стадиальностью. Но в рамках общечеловеческого движения неравномерность становится как бы атрибутом формационного процесса, ибо развитие всего человечества, состоящего из очень разных обществ, никак не может идти равномерно.

Илюшечкин пишет, что закон неравномерности «в самой общей форме можно сформулировать так: сначала в силу различий природно-географических условий своего существования, затем во все большей мере в силу обратного воздействия надстроечных институтов на базисные одни из обществ переходят на более высокую стадию развития раньше, чем другие, а третьи надолго задерживаются на одной и той же стадии. Однако более развитые общества рано или поздно и в тех или иных формах воздействуют на остальные общества, ускоряя так или иначе их развитие или даже способствуя минованию ими отдельных стадий. Поэтому в истории не было и быть не могло «тупиковых ситуаций» или каких-то иных путей развития, отличных от магистрального пути»⁷¹.

Стоит обратить внимание особенно на последнюю фразу. О гносеологии подобных утверждений уже сказано: видение законов везде одинаково реализующимися, равно приложимыми и к целому и к специализированным частям. Само собой очевидно, что представление о ряде направлений в историческом развитии, которые различаются как раз перспективностью и тупиковостью, гораздо более адекватно. Странное (более чем) утверждение об отсутствии «тупиковых ситуаций» совершенно неприемлемо. А как иначе назвать, например, развитие Римского государства, ставшего жертвой именно гигантомании и рабовладения (крепостничества)? А крах и гибель Византии? Да история просто изобилует случаями гибели обществ и народов, зашедших в тупик или ставших жертвой своей слабости, отсталости, невезучести, изолированности и т. п. (как в прямом смысле

---

⁷¹ Илюшечкин В. П. Проблемы формационной характеристики сословно-классовых обществ. М., 1986. С. 30–31.

слова, так и в виде ассимиляции народов, включения в состав более развитых обществ).

Неравномерность также означает, что переход к новому на первых порах никак не может быть осуществлен сразу многими: Ведь он возможен лишь в месте наиболее удачного стечения обстоятельств, то есть на первых порах является скорее исключением. Развитие же большинства обществ исключает условия для подобного рывка. Сказанное, в свою очередь, значит, что места обществ в формационных системах в плане близости к генеральной линии очень непостоянны и на каждом новом этапе могут меняться. А ведь проявление законов развития очень сильно зависит от того, какое место общество занимает в указанной системе, в какое время осуществляются эти движения, идет ли формация на подъем или уже на спад.

Следовательно, чем дальше от генеральной линии по месту и (или) времени находится то или иное общество, тем несходнее может быть путь и сама модель перехода к новому. Соответственно, возникает ряд моделей перехода к новому и его реализации. И от того, внутренние ли силы (классовая борьба, рост отдельных отраслей экономики, политические движения и пр.) ведут данное общество к рывку или внешние, есть ли у него потенции или его тащат насильно, исключительно зависит удачность таких вариантов и модификаций и дальнейшие перспективы породивших их обществ.

Поэтому неправомерно думать, будто все народы сходно проходят одни и те же стадии, только в разное время. Отчасти это, конечно, так, но только в обществах, составляющих достаточно близкую группу по уровню и времени развития. Чем дальше, тем сильнее заимствуются и переносятся передовые технологии, отношения и институты.

В результате пропорциональность подсистем в обществах, идущих несамостоятельно, сильно нарушается за счет разницы в стартовых условиях и потенциях, потребности в переменах,

большей или меньшей остроты кризиса, степени совместимости местного и чужого⁷² и т. п.

Сказанное, на первый взгляд, противоречит тому, что говорилось о законе соотношения внутренних и внешних факторов. Однако там речь шла о вариациях в формационном масштабе в целом единой модели. Весьма яркий пример этому – Европа зрелого феодализма и особенно зрелого капитализма, где при всех различиях от государства к государству сходство между европейскими обществами было все же столь большим, что исследователи любого направления говорят о европейском феодализме или капитализме, как о чем-то реальном.

В пояснение к сказанному можно добавить, что переход к новому качественному этапу требует, во-первых, достаточно развитой среды, во-вторых, появления целого ряда достижений и элементов нового, которые в обществе-пионере формируются уже в систему (хотя еще очень слабую), у которой есть перспективы расти. Поэтому после того как такой скачок совершается в одном обществе, его соседям сравнительно легко подтянуться к ним (из-за соперничества, а также потому, что у них уже есть много необходимого для этого). В результате на базе группы впереди идущих обществ происходит как бы «обкатывание» новых явлений, технологий, институтов за счет их модификации⁷³.

---

⁷² Тут всегда есть сложности по определению применимости заимствований для данного общества и проблема меры учета его исторических особенностей. Чаще всего они решаются методом проб и ошибок, а в рассуждениях по этому поводу всегда смешано верное и ошибочное.

Насмехаясь над теми, кто был ряженым «в английских панталонах, в парижском жилете, в сюртуке янки и испанском берете», Хосе Марти призывал: «Пусть черенок мировой культуры привьется к нашим республикам, но стволом дерева должны быть наши республики» (см.: Л. Сеа. Философия американской истории. Судьбы Латинской Америки. М, 1984. С. 322–325). Но как это сделать? Если еще в литературе допустимо, то в технологии и точных науках невозможно, чтобы «стволом» оставалась национальная культура. А по мере ускорения развития и вовсе невозможно ждать, когда вызреют собственные институты. Во времена Хосе Марти такие призывы были все-таки более обоснованны, сегодня ситуация меняется в сторону перехода от национальной к общей культуре, но проблема ее совмещения с местным обществом остается.

Иные модели сложились в обществах, сильнее отставших и дальше стоящих от генеральной линии, но все же самостоятельно модернизирующихся, а также играющих активную политическую роль. Например, в России и Японии. Несколько по-иному обстояли дела в странах, имеющих меньшую политическую значимость, например в Лаги некой Америке. Наконец, на нисходящих этапах формации (какова сегодня третья, индустриальная) переход к ее зрелым стадиям у отставших обществ модифицируется уже явлениями новой, молодой формации. И в странах Юго-Восточной Азии мы видим особые модели (в чем-то напоминающие японскую, но с гораздо большей интеграцией и ориентацией на экспорт).

В принципе мы можем при большом масштабе говорить всего о двух моделях: *самостоятельной и несамостоятельной, точнее, ближе стоящей к самостоятельному пути или ближе стоящей к заимствованию*⁷⁴ Но вообще-то, чем обстоятельнее мы анализируем определенную формацию, тем больше моделей (а при еще большей детализации – их вариаций) можно выделить.

От формационного обратимся теперь к уровню отдельного общества. Именно на нем и следует рассматривать закон соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил. Дело в том, что, как уже говорилось, понятия производительных сил и производственных отношений (так же, как базиса – надстройки и других) целесообразно использовать лишь в рамках отдельной общественной системы. Для формационного анализа пользоваться теми же терминами – значит сознательно запутать ситуацию. Это было методологически обоснованно, когда предполагалось, что формационные законы – процессы, принципиально однотипные и в социальном организме, и в общечеловеческой системе. В таком

---

⁷³ Примеров здесь много. Возьмем хотя бы демократию. Сколько образовалось ее форм и переходных типов. Но все же это была в целом одна модель классического капитализма с определенными неравенством и ограничениями.

⁷⁴ Но иногда удобнее говорить о трех или четырех. Например, добавить полусамостоятельную, а несамостоятельную разбить на две: когда формация идет на подъем и когда она идет на спад.

контексте данный закон мог выставляться как самый ведущий⁷⁵. Однако явные его несоответствия с историческими реалиями все равно заставляли работать в области уточнения формулировок. По поводу последних было много споров⁷⁶, правда, большей частью схоластических, вытекающих из абсолютистских и объективистских подходов. (Нет смысла их рассматривать здесь.) Все это стало, очевидно, одной из причин уменьшения интереса к данной проблеме, о чем остается только сожалеть. В рамках же общественной системы этот закон становится весьма эффективным. Но, конечно, его действие можно проследить и на более высоком уровне, например в пространственно-временных группировках экономического и производственного характера. Для современности, в связи с выходом производительных сил за национальные рамки, такой масштаб можно даже рассматривать как важнейший. Особый случай, когда этот закон применяется для общества-первопроходца, открывающего человечеству путь в новую формацию (ее этап). Тогда обе модели (формационная и одного общественного организма) сближаются, а сам закон находится как бы на стыке этих двух уровней. Тем не менее основной, **базовый** уровень действий данного закона – отдельное общество.

Кроме того, в моем понимании, данный закон надо формулировать как закон соответствия *распределительных отношений* производительным силам (причем с учетом включения в послед-

---

⁷⁵ Но сама постановка вопроса некорректна. Вот один из многих примеров. Японский философ-марксист Янагида Кэндзюро на им же самим поставленный вопрос: «Какой же из законов, господствующий в человеческом обществе, является самым основным, коренным законом, пронизывающим все историческое развитие?» – отвечал, что первый состоит в том, что в основе развития всей истории (и всех идей) в конечном счете находится главный фактор, то есть развитие материальных производительных сил; а «второй основной закон истории» «проявляется в том, что производственные отношения по-разному складываются в различные эпохи и должны соответствовать ступени развития производительных сил своей эпохи» (Янагида К. Философия истории. М., 1969. С. 80, 83, 87).

⁷⁶ См., например: Материалистическое учение К. Маркса и современность // Межвузовский сб. Вып. XIII. ЛГУ, 1985. С. 8; Бостамджан К. М. Диалектика становления коммунистического способа производства. М., 1967. С. 187.

ние окультуренной природной среды). Ведь на производство крайне сильно влияют не только отношения, связанные с владением и управлением, но и вся распределительная система. Нередко запреты, налоги, принудительные работы, расстройство денежной системы, поенные тяготы и другое действуют на состояние производства гораздо сильнее отношений собственности. Обо всем этом шла речь в специальном параграфе⁷⁷.

Разумеется, в указанной формулировке этот закон может быть представлен в разных своих аспектах. И одним из важнейших среди них как раз будет соотношение производительных сил и производственных отношений, если последние рассматривать как часть распределительных отношений, более тесно связанных именно с производственным процессом. Такое сужение закона для значительного числа ситуаций и правомерно, и продуктивно, поскольку в ряде случаев здесь и надо искать главный нерв соотношения производства и распределения вообще. И нередко закон будет проявляться наиболее зримо именно в таком аспекте. Весьма полезно вспомнить и о понятии производственной организации общества⁷⁸. В отдельных случаях указанный закон можно сузить до соотношения ее производственно-иерархической и общественно-распределительной сторон (частей)⁷⁹. Например, при исключительно важной роли собственности на средства производства и не слишком большом разрыве между ее функциями владения и управления (каковые сегодня сильно разошлись)⁸⁰.

Что же можно сказать об этом законе? Одна из его формулировок выглядит так: *чем более полное соответствие устанавливается между производительными силами и распределительными отношениями, тем незаметнее проявляется сам закон.*

---

⁷⁷ См.: Настоящую работу, глава 3, § 4 // *Философия и общество*. 1997. № 4.

⁷⁸ См.: Настоящую работу, гл. 3, § 3 // *Философия и общество*. 1997. № 3. С. 86–92.

⁷⁹ См.: Там же. С. 89.

⁸⁰ Или в ситуации полного огосударствления и существования правящего слоя управленцев-распределителей, или в ситуации, где производство полностью ориентировано на внешнюю торговлю.

Это объясняет его «отсутствие» во многие периоды⁸¹. Это позволяет яснее увидеть и разные фазы (стадии) данного закона, в которых его проявления сильно отличаются. Можно сказать, что *в действии закона существуют по меньшей мере две сменяющие друг друга фазы: соответствия – несоответствия*. Но фактически правильнее говорить о четырех фазах.

Первая, которую можно было бы назвать фазой соответствия или притирки, связана с обычным, то есть не кризисным его состоянием. Здесь так или иначе производительные силы соответствуют распределительным (производственным) отношениям. Производственная организация достаточно консервативна. Словом, налицо общие свойства соответствия элементов в системе. Ведь «самым главным и фундаментальным свойством системы является взаимозависимость частей или переменных. Эта взаимозависимость состоит в строгой определенности отношений между частями или переменными и противостоит случайностям изменений»⁸².

Такое соответствие, однако, редко бывает полной неподвижностью производства и распределения даже и в так называемых традиционных обществах⁸³. Обычно более или менее серьезные изменения и в тех и в других в течение не столь длительных временных периодов все же бывают. Свою роль тут обязательно играют природные изменения и прочие особые события. Но едва социальная жизнь становится несколько сложнее, эти колебания все чаще объясняются изменениями в самом обществе или в производстве.

Очевидно, что на состояние производительных сил прямо или косвенно влияют самые различные факторы. Помимо войн и

---

⁸¹ И поэтому-то многие ученые, не понимая природы данного закона, отвергают его.

⁸² Так считал Толкотт Парсонс (см.: Новые направления в социологической теории. М., 1978. С. 113).

⁸³ Это может быть лишь у доисторических народов, вроде дикарей, которые жили в условиях природной благодати и стабильности. А в период после перехода к развитому сельскому хозяйству такое состояние правомерно относить только к достаточно коротким периодам.

прочих политических событий, огромное воздействие оказывают разнообразные реформы или какие-то административные изменения (ошибки, нарушения и т. п.). Так, земля может перейти из частной собственности в государственную или общинную и наоборот. Налоги могут быть более или менее тяжелыми и соответственно стимулировать рост производства или тормозить его. Правильный денежный оборот увеличивает товарность, порча денег ведет к натурализации производства и т. п. Примеры тут бесконечны.

В свою очередь какие-то перемены в производстве меняют распределительные и общественные отношения, иногда на короткий, иногда на длительный период. Неурожай или стихийное бедствие могут заставить снизить налоги или отказаться от престижных строителей, увеличение населения – провести передел земель и т. п. Какие-то изобретения приводят к введению в оборот новых земель и возникновению производств, росту городов и торговли. Возможность расширять производство экстенсивно в одних случаях (моментах) ослабляет жесткость отношений, в других – усиливает. Например, в России свободные земли ослабляли экономические рычаги пласта, но усиливали закрепощение крестьян.

Такие колебания можно рассматривать как особую промежуточную – между полной притиркой и разрывом и уровнях – форму проявления исследуемого закона. Ведь и здесь на меньших временных и пространственных объемах осуществляются подтягивание отношений к уровню производства⁸⁴ или, наоборот, упадок (редукция) производительных сил в связи с более мощным в этой системе влиянием других элементов.

Однако ситуация эта сильно затемняется влиянием самых различных моментов. Ведь и на распределительные отношения, и на производительные силы временами оказывают очень суще-

---

⁸⁴ В рамках однотипных производительных сил распределительные отношения могут существенно меняться в результате социальных, политических, военных или иных вещей. Но эти изменения в любом случае нельзя рассматривать как революционные в плане перехода на новые ступени развития.

ственное воздействие факторы, связанные с войнами, религией, жестким социальным делением⁸⁵. В любом случае действие закона на коротких временных отрезках просматривается хуже, чем на длительных, из-за различных кратковременных влияний и колебаний. Кроме того, пока нет качественного рывка в производстве, их фундаментальное влияние на всю систему ощущается недостаточно. При этом многие отношения и институты уже как бы отрываются от породившего их базиса. К слову сказать, в этой самостоятельности таится зерно будущего конфликта, когда традиционные общественные отношения и слои, которым они выгодны, препятствуют развитию нового типа производительных сил.

Рассмотренное состояние закона можно назвать не полным, а относительным соответствием. И несомненно, что в реальной истории (и тем более обыденной жизни) подобные изменения и колебания – исключительно важные и весомые вещи, составляющие для историка смысл его предмета исследования. Однако в целом для крупного (формационного) масштаба времени эти изменения можно считать колебаниями вокруг некоего уровня и в определенных, хотя и достаточно широких рамках. И уровень, и рамки задаются принципиальным уровнем производительных сил⁸⁶, подъемы и откаты которых не ведут к

---

⁸⁵ Стоит напомнить, что распределительные отношения во многих обществах чуть не намертво сплелись с другими. И только там, где отношения частной собственности ясно отделены от других сфер, эта спаянность не столь сильна. И, может быть, поэтому в капиталистических странах такие минициклы стали принимать характер экономических кризисов, как специфической формы взаимоотношений производительных сил и производственных отношений.

⁸⁶ Нередко географической средой: либо плодородием почвы, либо местом в мировом разделении труда, наличием полезных ископаемых и т. п. Поэтому связь географической среды (той ее части, которая включается в производительные силы) и надстроечных форм можно рассматривать как один из вариантов проявления данного закона. Этот аспект важен для характеристики любой эпохи, но, может быть, особенно – для сегодняшней. «Если страна примет решение, зафиксированное в политическом документе, оплачивать реальную стоимость природной среды, то это вызовет глубокое преобразование всей ее экономической жизни. Ввести в нашу экономику понятие ценности природы, прежде считавшейся ничтожной, – значит' революционизировать ее и вызвать столь же глубокое измене-

смене типа распределительных отношений⁸⁷. И аналогично наоборот.

Итак, революционного изменения в производительных силах и непреодолимого в рамках прежней формации разрыва между ними и распределительными отношениями в состоянии относительного соответствия не может быть. Однако в то же время все эти изменения и колебания в производстве не проходят вовсе бесследно, но в конечном счете создают условия для качественного развития. Постепенно накапливаются производственные, технические и технологические достижения, опыт торговли, организации, понимание влияния различных действий на благополучие общества. Словом, хотя с откатами и медленно, но развитие идет. В некоторых обществах оно идет по пути интенсификации производства. Условия же для такого развития в той или иной мере есть всегда. Ведь в любом обществе технические возможности производительных сил всегда используются не полностью. Какая-то часть людей не работает, имеются резервы, известны (но мало используются) более рациональные приемы труда. И когда резервы экстенсивного развития исчерпываются, эти резервы и потенции могут быть использованы.

В результате интенсификации производства увеличивается и прибавочный продукт. На первых порах это может вести к тому, что старые общественные формы даже растут и обретают невиданную ранее четкость, то есть становятся сверхзрелыми. Намечается разрыв между возросшими производительными силами и распределительными (производственными) отношениями, но разрыв, связанный уже не с колебаниями, вызванными временными явлениями, а с таким качественным изменением производства, которое в будущем «взорвет» соответствие. Закон пере-

---

ние, какое вызвало появление машин в XIX в.», — справедливо писал почти тридцать лет назад один из защитников природы (СенМарк Ф. Социализация природы. М., 1977. С. 229). Само собой очевидно, что в этой проблеме, как в клубке, спутаны все области, слои, и подсистемы, и интересы общества.

⁸⁷ Имеется в виду принципиально новый уровень распределительных отношений, соответствующий новому формационному типу отчуждения.

ходит в следующую фазу: *формирования новых производительных сил*.

В обществах-первопроходцах эта стадия связана не просто с суммированием различных достижений, сделанных в разных местах, но и с созданием (особым использованием) какого-нибудь важного нового фактора в производительных силах, способного в будущем полностью перестроить их и увеличить их возможности во много раз. При заимствовании готовых производительных сил длительность и характер протекания этой фазы, естественно, меняются.

Постепенно новый сектор укрепляется и обретает системность, но еще не слишком вступая в конфликт с распределительными отношениями, которые в чем-то даже усиливаются. Это может быть связано с тем, что избыточных ресурсов становится значительно больше, но общество еще не выработало правила и идеи о том, как их расходовать. В результате старые представления и объекты затрат проецируются на новые возможности⁸⁸. И соответственно ресурсы расходуются расточительно. Но постепенно интересы и прагматизм тех, кто создает или аккумулирует эти излишки, начинают брать верх. По мере расширения нового сектора новые потребности вступают в противоречие со старыми распределительными отношениями. Закон входит в новую фазу (противофазу первой) – *кризисную*. Здесь уже производительные силы перешли на новый этап, а распределительные отношения сильно отстают от них и мешают их распространению. Действие закона становится кризисным. Но кризис может принимать весьма различные формы. И чем дольше и сильнее он идет, тем большее число сфер и отношений захватывает, так что глубинные его причины оказываются спрятанными, закамуфлированными, непонятными. Причем, *чем длительнее кризис, тем с большими разрушениями для системы он разрешается*. А слишком сильный внутренний конфликт может отодвинуть об-

---

⁸⁸ Бывает и наоборот, что общество беднеет, а потребности более богатого состояния проецируются на нынешнее бедное. Отсюда часто возникают кризисы.

щество от генеральной линии еще дальше, чем оно стояло прежде.

В случае удачного разрешения кризиса распределительные отношения, а с ними вся общественная система начинают перестраиваться на более высоком уровне. Но перевороты и революции, затрагивающие распределительные отношения, в том числе собственность, как известно, в первую очередь могут менять то, что в наибольшей степени сдерживает эти попытки перемен: духовные, политические, национальные и другие отношения.

Так или иначе, закон вступает в следующую, четвертую фазу (противофазу второй) – *подъема*. Распространение более высоких производительных сил ведет к увеличению прибавочного продукта, росту населения (качества его жизни), изменению потоков благ. А все вместе может вести к тому, что теперь *уже распределительные отношения как бы открывают простор для дальнейшего роста производства*. Ведь в результате общественных переворотов часто создаются отношения и институты, намного опережающие сиюминутные потребности⁸⁹.

Надо сказать, что в зависимости от разных причин и число фаз, и их протекание могут существенно меняться, и модели могут быть иными. Но рассмотренная – в целом может быть признана базовой. В зависимости от задачи меняется и понятие качественного изменения производительных сил.

Стоит отметить, что действие этого закона наиболее четко прослеживается в определенных исторических (временных) границах: *это эпоха индустриализма до перехода от промышленного к научно-информационному производству*. Недаром же ука-

---

⁸⁹ В такие переходные периоды, когда ломаются или трансформируются старые общественные конструкции и сдержки, когда появляются вакансии на занятия более высоких мест в социальной иерархии и – самое главное – нет четких и строгих правил занятия этих мест, возрастает роль индивидуальной инициативы. Это может объяснить некоторые источники и движущие силы «бурления» обществ в переходные периоды и причины замедления их развития в более зрелые, спокойные периоды. И, кстати, при этом отпадает необходимость во всякого рода теориях, которые вводят лишние сущности, вроде пассионарности. Ведь такая активность-пассионарность часто связана именно с открывшимися возможностями и стремлением занять свое место, поскольку правила игры жестко не определены.

занный закон был сформулирован в эпоху завершения промышленного переворота. После него развитие производительных сил идет во много раз быстрее, чем раньше. Производство все более технизируется и отделяется от природы. По сравнению с сельскохозяйственной эпохой распределительные отношения «реагируют» на изменения в производительных силах гораздо быстрее. Поэтому цикл отставания и подтягивания распределительных отношений к производительным силам не слишком длителен. Одно из проявлений этого – периодическое возникновение и разрешение экономических кризисов. Экономика сильнее отделяется от других сфер. А расширение демократии делает разрешение общественных проблем более спокойным.

По сравнению же с современностью производство не столь стремительно, а рассмотренный цикл не деформирован непрерывными кумулятивными изменениями. В этот период материальное производство еще достаточно ясно отделяется от духовной деятельности, а природа еще выглядит внешним фактором по отношению к производительным силам.

В современных же условиях производительные силы, во-первых, все сильнее пронизывают другие сферы, которые ранее противопоставлялись им, во-вторых, их влияние коренным образом меняет параметры географической среды и противопоставление природы и производства в чем-то оказывается перевернутым по сравнению с прошлым, а в чем-то исчезает. В-третьих, в условиях же постоянных изменений в производительных силах так или иначе идут постоянные (хотя и с лагом) изменения и в распределительных и в прочих отношениях, поэтому вся общественная система находится как бы в непрерывном движении. Следовательно, здесь менее четкий цикл, но более наглядна зависимость уже всей системы от производительных сил и, конечно, обратно.

При непрерывном ускорении исторического развития, мотор которого в развитии производительных сил, другие общественные подсистемы просто не успевают за ними. В то же время сегодня невозможны ни автономия, ни консерватизм, ни подчи-

нение им производительных сил, что являлось обычным для прежних эпох. Невозможно и длительное отставание. В результате идет непрерывная деформация разных сфер. Пока устраняется старый разрыв, очередные изменения в производительных силах уже вновь влияют на трансформирующиеся сферы. Особенно это заметно в модернизирующихся и догоняющих странах.

Таким образом, *закон соответствия распределительных отношений производительным силам фактически перерастает в закон соответствия между производительными силами и системой в целом*⁹⁰. При этом разные сферы имеют разную степень соотношения с темпами изменения производительных сил. Это, конечно, прослеживается и для прежних эпох. Именно поэтому и можно говорить о том, что *в конечном счете коренные перемены в производительных силах влекут и коренные перемены в других сферах*. Однако прежде такой временной лаг был слишком велик, а отсюда причинная связь была менее очевидной, а различные иные воздействия в этом интервале иногда крайне значительны. И такая зависимость *лучше* просматривалась в формационном, чем в общественном масштабе.

Обратимся теперь к знаменитому спенсеровскому закону. Как известно, важнейшим законом развития мира вообще, включая и общество, Спенсер, развивая идеи биолога и философа Бэра, считал закон перехода вещества по мере его качественного развития из неопределенной (т. е. недифференцированной, неспециализированной и т. п.) однородности к определенной (т. е. более специализированной) разнородности. Вот одна из его формулировок: «Эволюция есть интеграция вещества, которая сопровождается рассеянием движения и в течение которой веще-

---

⁹⁰ И это согласуется с тем, что говорилось в § 3 данной главы о законе все большего ускорения развития. Само собой, что независимой переменной можно избирать и любые другие подсистемы, ведь в непрерывном процессе точка отсчета в значительной мере произвольна. Но выбор именно производительных сил и более эффективен, и более доказателен, и более нагляден в современных реалиях. Но я не исключаю, что в будущем, при иных типах развития, чем сегодня, место такой переменной могут занять иные системные элементы.

ство переходит из состояния неопределенной, бессвязной однородности в состояние определенной связанной разнородности, а сохраненное веществом движение претерпевает аналогичное превращение»⁹¹.

Это действительно и глобальный, и соответствующий фактам, и часто весьма наглядный закон. Сорокин определял его как двусторонний процесс дифференциации и интеграции, обоснованный Спенсером и развитый в приложении к обществу Дюркгеймом, Зиммелем и другими, и считал его одним из наиболее достоверных законов социальной жизни⁹². Мне кажется, что и сегодня он очень важен для понимания развития. Но, конечно, как и любой крупный, тем более сквозной эволюционный закон, он, во-первых, имеет и противоположную тенденцию, во-вторых, никак не прикладывается ко всем процессам или имеет очень серьезные отличия при приложении его к разным областям и явлениям, тем более при попытках использовать его для описания не просто социальной жизни, а исторического процесса. Преувеличение его значения (как и любых других) ведет к его дискредитации⁹³.

---

⁹¹ Цит.: Зотов А. Ф., Мельвиль Ю. К. Буржуазная философия середины XIX – начала XX века. М., 1988. С. 66. При этом, как было свойственно его времени и как часто свойственно ученым всех времен, открывшим нечто действительно объективное и объемное. Спенсер неизбежно преувеличивал приложимость и роль своего закона. «Сущность всего прогресса, начиная с отдаленнейших времен прошлого, которых наука имеет хоть какую-нибудь возможность достигнуть, и до вчерашней летучей новости, и заключается в превращении однородного в разнородное», – писал он (цит.: Там же. С. 52). Правда, это было сказано им в молодые годы, однако и до конца жизни он полностью не избавился от подобных взглядов.

⁹² Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 509.

⁹³ И такие преувеличения многократно имели место. Поэтому достаточно скоро, уже в начале XX века, стали очевидными ограничения при использовании эволюционных принципов. Например, в одной работе, использовании эволюционных принципов. Например, в одной работе, написанной в 1918 г., указывалось, что эволюционные исследования не могут быть успешными без осознания того, что изменение, если оно случается, должно иметь место при особых условиях и внутри ограничения времени и места. Все изменения имеют временную и географическую «оправу» (Teggart F. Op. cit. P. 141).

Указанный закон во многом постигла общая судьба идей Спенсера, которые во второй половине XX века вообще отвергаются как якобы устаревшие или даже ложные. Например, известный американский философ Коэн пишет: «Тем не менее, если социальная эволюция и означает что-то определенное, то она означает только то, что все вещи изменяются, причем изменяются в определенном направлении, и лишь Спенсер попытался показать, что изменение совершается как переход от простого к сложному, от гомогенного к гетерогенному. Философским критерием этого положения явится вопрос: «Что есть простое? Будем ли мы отрицать, что судебный процесс в настоящее время проще, чем варварские законы с их подробно разработанными сложными правилами? Можем ли мы сказать, что синтаксис современного английского языка сложнее синтаксиса англосаксонского языка с его изменяемыми окончаниями слов, склонениями и спряжениями?» Постановка таких вопросов показывает расплывчатость, если не ложность спенсеровской формулы»⁹⁴.

Конечно, можно спорить о том, что есть простое и как его определить. Однако вопросы, которые задает Коэн, не совсем корректны. Ибо он спрашивает о частностях, об элементах систем права и языка, причем и в отношении этих элементов его утверждения весьма спорны. Но ведь речь должна идти о сравнениях систем в целом. Следовательно, точнее было бы задать вопрос о том, является ли варварское право более простым, чем современное? Является ли современный английский язык как система с его колоссальным лексическим запасом, культурными и фразеологическими матрицами, расхождением между фонетикой и написанием и прочим, более сложным и более дифференцированным, чем англосаксонский? Тогда ответить было бы легче. А ответы подтвердили бы скорее правоту Спенсера, чем его оппонента.

Но дело не в конкретных проблемах. Главное в том, что критика направлена на детали, не затрагивая главного – как отрицательного, так и положительного – в спенсеровских идеях. Мало

---

⁹⁴ Коэн М. Р. Американская мысль. М., 1958. С. 63.

того. Коэн не только не замечает коренную методологическую и гносеологическую ошибку Спенсера (и вообще его времени), то есть представления, будто действие глобального закона проявляется одинаково и в большом, и в малом масштабах, и в общей тенденции, и в противоположных ей частностях, но как будто фактически солидарен с ним в таком понимании закона, поскольку требует именно такого подтверждения идеи. А раз это невозможно, он отвергает концепцию Спенсера вместе с тем положительным, что в ней есть. Такой подход неизбежно ведет к отрицанию любых законов в истории и даже общественной жизни. Напротив, при отказе от него меняется взгляд на социальную теорию, и закон Спенсера занимает среди них почетное место. Но, конечно, он не является главным, все объясняющим положением, каким представлял себе его автор.

(Продолжение следует)